

ДМИТРИЙ КАРАСЮК
ЛЕОНИД ПОРОХНЯ

НАШЕ
РАДИО

НАУТИЛУС ПОМПИЛИУС

МЫ ВОШЛИ В ЭТУ ВОДУ ОДНАЖДЫ

ПОВЕСТЬ
ОБ ИЛЬЕ КОРМИЛЬЦЕВЕ

Легенды русского рока

Леонид Порохня

**«Наутилус Помпилиус». Мы
вошли в эту воду однажды**

«АСТ»

2018

УДК 785(470)
ББК 85.318(2)6

Порохня Л. И.

«Наутилус Помпилиус». Мы вошли в эту воду однажды /
Л. И. Порохня — «АСТ», 2018 — (Легенды русского рока)

ISBN 978-5-17-092539-1

В очередную книгу серии «Легенды русского рока» вошли не издававшаяся ранее мемуарная повесть Леонида Порохни о поэте, авторе текстов многих российских рок-групп Илье Кормильцеве, а также история знаменитой группы «Наутилус Помпилиус», написанная Дмитрием Карасюком.

УДК 785(470)
ББК 85.318(2)6

ISBN 978-5-17-092539-1

© Порохня Л. И., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Дмитрий Карасюк	6
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Дмитрий Карасюк, Леонид Порохня «Наutilus Помпилиус». Мы вошли в эту воду однажды

Авторы благодарят

Всеволода Арашкевича, Сергея Борисова, Юрия Гаврилова, Виктора Зайцева, Николая Землякова, Дмитрия Константинова, Александра Коротича, Александра «Ежъ» Осипова, Богдана Полякова, Олега Раковича, Андрея Токарева и Александра Шишкина за предоставленные для настоящего издания иллюстрации.

Дмитрий Карасюк «Наутилус Помпилиус». Мы вошли в эту воду однажды

*«Это одна и та же группа в разных составах.
Суть музыки оставалась единой».*

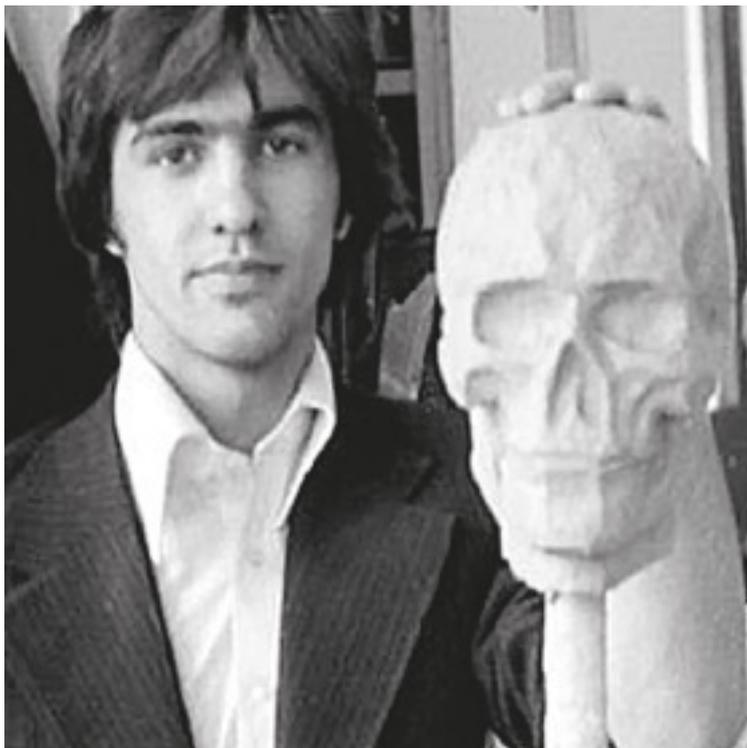
Вячеслав Бутусов

Плакат образца 1988 года

1

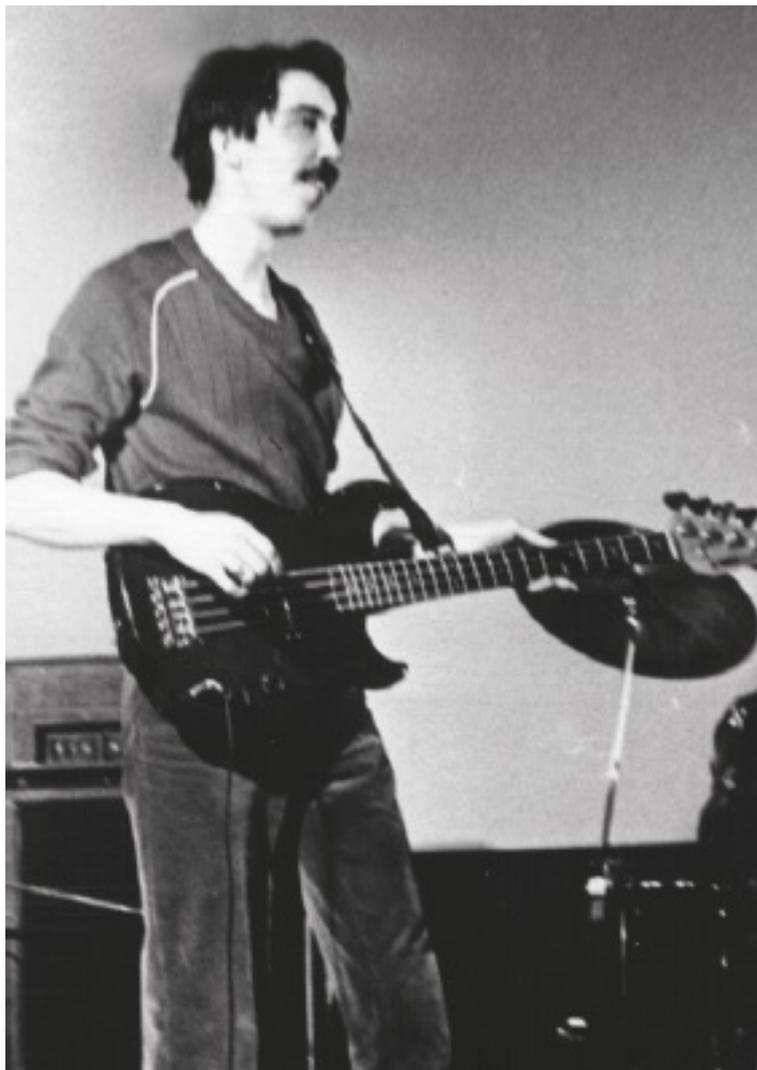
Почему десятиклассник из Сургута Слава Бутусов в 1978 году поступил в Свердловский архитектурный институт, он сам спустя десять лет рассказал в фильме «Серп и гитара»: «Мой дед-крестьянин хотел, чтобы его сын стал инженером, он считал, что это ступень вверх. Дед завещал, чтобы его внук, то есть я, шагнул еще вверх, то есть стал архитектором. Поэтому меня папа после последнего звонка взял тепленьким и отвез в Свердловск в архитектурный институт, где я сдал экзамены».

Вячеслав Бутусов в студенчестве, 1970-е годы

Молодое на тот момент учебное заведение обладало яркой музыкальной историей. Музыкальные группы появились в САИ еще до его официального образования. Несколько лет он существовал как филиал Московского архитектурного института и только в 1972 году стал самостоятельным вузом. Новорожденный САИ с пеленок стал претендовать на звание самого творческого института города. Арх был местом, где идеи просто летали в воздухе. Театральные и кинопремьеры обсуждались, все казалось важным. «Комсомольские вожаки были молодые, а взрослое руководство института состояло в основном из участников войны. Они были абсолютно независимы, и им было насрать на решения КПСС. То есть формально они им подчинялись, вывешивали всякие лозунги, но в душе они были независимы, и от этого пошла независимость всего Арха», – считает выпускник института Олег Ракович.

Во множестве газетных публикаций описана трогательная история возникновения группы «Наутилус Помпилиус»: в 1978 году познакомились на студенческой картошке два первокурсника, Бутусов и Умецкий, и решили создать лучшую в стране рок-группу. На самом деле познакомиться-то они познакомились, но не более того. Знали друг друга по именам, собирали корнеплоды в соседних бороздах в селе Мамино, как еще десятки студентов-архитекторов. Дима Умецкий близко сошелся совсем с другим парнем – Игорем Гончаровым.

Дмитрий Умецкий Фото Дмитрия Константинова

К моменту поступления в Арх Игорь Гончаров был уже опытным музыкантом, он часто играл на ударных на танцплощадках родного Челябинска. Свердловчанин Умецкий тоже имел исполнительский багаж: «Я играл в школьном ансамбле на барабанах. Установка была «фирменная» – без бочки, один рабочий барабан с порванным пластиком, тарелка в виде топора, такая загнутая, долбанешь по ней палкой – палка сразу на две половины». Вот этой-то парочке вдруг и ударило в башню – поиграть вместе.

Прямо в колхозе два барабанщика начали делить виртуальные инструменты. Барабаны отвоевал опытный Гончаров, а Диме достался бас: «Сразу после собирания картошки я стал себе гитару выпиливать электрическую. Купил в "Юном технике" запчасти от "Тоники", сделал полено и начал его терзать».

Слава Бутусов учился в соседней группе. Он сам неплохо играл на гитаре, но сначала предпочитал заниматься музыкой индивидуально. Его однокурсник Александр Коротич вспоминает, как увидел Славу в первый раз: «В общаге на полу сидел очень худой парень с длинной челкой и тренькал на гитаре что-то из "Led Zeppelin", явно вообразая себя и Плантом, и Пейджем одновременно».

На общей музыкальной почве Бутусов, Умецкий и Гончаров сошлись только на втором курсе. С инструментами помог стройотряд, бойцами которого были будущие рок-звезды, – за

900 рублей купил барабаны и усилители «Эско». Молодежь хотела репетировать в студенческом клубе, но там базировался авторитетный «Змей Горыныч Бэнд». Гончаров договорился о репетиционном помещении в новом общежитии Арха на Восточной, 11. «Всю зиму играли в общаге нечто вроде "кримсонов", – вспоминал Умецкий, – хотя, честно говоря, "кримсонами" тут и не пахло. Все это шло еще от одного нашего тогдашнего соучастника, гитариста Сергея Бабушкина, человека явно маниакального склада, рехнувшегося в свое время на "битлах". А кончилось все это тем, что пришли из комитета комсомола и послали нас всех подальше: нечего, мол, ребята, гнать вам эту лажу». Квартет перебрался в детский садик, где Бабушкин работал сторожем, и продолжил репетировать там. На пианино стал иногда подыгрывать еще один однокурсник, Виктор «Пифа» Комаров. Музицирование шло пока на сугубо любительском уровне.

Виктор «Пифа» Комаров, 1979 год. Фото Олега Раковича

Что-то изменилось в июне 1981 года, когда прошел городской рок-фестиваль на приз САИ. К нему усиленно готовились лучшие группы Свердловска. Одну из них – бездомного «Урфина Джюса» Александра Пантыкина – приютил клуб САИ. Открытые по случаю наступившего лета окна клуба выходили прямо на «сачкодром», традиционное место арховских курильщиков и прогульчиков, которые с замиранием сердца внимали музыке «УД». Среди прочих наслаждался ею и третьекурсник Слава Бутусов: «Мы отчетливо слышали, какой

там "рубинштейн" происходил: страшные рифы и совершенно фантастический голос. Я не представлял, как выглядит этот великий и ужасный Пантыкин... Мы просто стояли в благоговейном ужасе и предвкушали...»

Корреспондент стенгазеты «Архитектор» В. Бутусов. Фото Олега Раковича

Бутусов входил в редколлегию стенгазеты «Архитектор», а это издание являлось одной из движущих сил фестиваля. Увиденное 6 июня в ДК «Автомобилист» произвело на Славу и Диму сильное впечатление. Умецкого особенно поразил «Трек»: «Мы поняли, что если так могут петь люди, живущие на соседних улицах, то, значит, и мы способны на что-то подобное. Это было событие, которое перевернуло нашу жизнь». Славе добавили эмоций и два интервью, которые он взял для «Архитектора» у фестивальных героев – Саши Пантыкина и Насти Полевой. «Слава сразу нарисовал дружеский шарж, – вспоминает Настя. – Рассказал, что у него тоже есть группа, что они собираются выступить. Мы подружились».

Чувство, что они сами смогут стать не хуже всех этих «урфинов» и «треков», придало студентам новый импульс. Начались попытки сотрудничества с профессиональными музыкантами. Обратились к гитаристу Евгению Писаку: «Слава с Димой любили "Led Zeppelin" и хотели вложить их энергетику в свою музыку, подав ее по-своему. Они предложили мне быть их лидер-гитаристом. Слава жил от меня через двор, и мы целыми вечерами сидели у меня, что-то придумывали. Мы не могли двигаться дальше из-за барабанщика. Попробовали одну вещь, другую – не идет. Попытались сыграть медленную – вроде получилось, но нельзя же всю программу строить только из медляков... Я заявил, что нам нужен другой ударник, более ритмичный, собранный, но для них на тот момент дружба была сильнее музыки».

Осенью 1982-го Бутусов – Умецкий – Гончаров с примкнувшим к ним гитаристом-однокурсником Андреем Садновым решили записать собственные сочинения. Семь песен, зафиксированные на пленку Андреем Макаровым, позже разошлись по городу под названием «Али-Баба и сорок разбойников».

Бутусовское пение тогда мало походило на голос, от которого пять лет спустя зарыдают миллионы поклонниц. В 1982-м Слава орал так, что аж жилы на шее набухали. Безымянная пока еще группа пыталась прорваться в студенческий клуб САИ, в котором в то время хозяйничал «Змей Горыныч бэнд», исполнявший каверы «Led Zeppelin» очень близко к оригиналу, но женским голосом. Во время бутусовской распевки музыканты «ЗГБ» в ужасе выскочили в коридор, зажимая уши: «Ох уж эта молодежь! Господи, кто идет нам на смену!» Будущих «наутилусов» в клуб так и не пустили, репетировать им пришлось в общежитии, где и были записаны их первые семь песен.

Компиляция из наивных хардешников и баллад вряд ли сумела бы заинтересовать хоть кого-то, но арховцы нашли верный путь к самому сердцу свердловской рок-тусовки. Слава с Димой смогли обаять Пантыкина, а тот оказался замечательным промоутером и познакомил с их дебютной записью всех-всех-всех. Отзывы были сдержанные. Но двух парней (одного с пронзительным голосом, а второго с усами) потихоньку стали считать своими.

Писатель Андрей Матвеев через три года после знакомства с этой пленкой вспоминал: «Первый их альбом был не более чем ощущением того, что придет время и ребята эти смогут вмочить! Сам я, по крайней мере, на них поставил уже тогда и если о чем жалею, так о том, что не "скупил акции" группы на корню... Высокий, чувственный, полный какой-то потерянности голос Бутусова, инструментальная постхардовская каша с элементами харда, сюрреалистические тексты, которые можно назвать и роскошными, и маразматичными, в общем, все это показалось более чем просто интересным. Вот только услышали это немногие, хотя один хит из альбома потащил за собой всех приличных рокеров, я не помню его названия, помню лишь строчки из него: "Где ты, птица, птица-пингвиница, на каком пустынном берегу?" Это и блестящая пародия на советские любовные шлягеры, и изумительный вариант абсурдистских текстовых игр в роке». Сами создатели остались не очень довольны своим первенцем. «Мы его забекарили сами и лучшие вещи просто объединили со вторым альбомом», – рассказывал Умецкий.

2

1983 год стал для группы по-настоящему стартовым. В апреле рок-общественность Свердловска собралась на очередной загородный рок-семинар, проводившийся горкомом комсомола, или, как называл это мероприятие циничный Матвеев, «пьяную вылазку на базы». Ветеранский состав разбавили новичками, в том числе и ребятами из команды, которая получила название «Наутилус» всего несколько дней назад.

Коллективы, приглашенные на семинар, должны были регистрироваться. Студентам-архитекторам пришлось срочно придумывать имя. Вариант «Али-Баба и сорок разбойников», предложенный Бутусовым, никому не понравился, хотя задним числом и закрепился за их прошлогодней записью. Звукорежиссер Андрей Макаров, бывший, как и все арховцы, фанатом «Led Zeppeлин», предложил название «Наутилус», объяснив его так: «Тот же дирижабль, только подводный». Такая глубинная аналогия всем понравилась. Правда, на семинар от свежеекрещенной группы смогли поехать не все.

Александр Пантыкин, 1983 год

Автобус с рокерами притормозил у здания архитектурного института. На тротуаре зябко поеживались фигуры в кепочках. Неформальный лидер свердловской рок-общественности Николай Грахов, уже знакомый с этой парочкой, представил ее: «Это хорошие молодые ребята, тоже рок играют. Давайте их с собой возьмем». Гитарист «Урфина Джюса» Егор Белкин, глянув в окно на волосатых сиротинушек, покровительственным тоном махра согласился: «Почему бы и нет! Ребята вроде нормальные». Дверь автобуса открыли, и в высокое собрание втиснулись Слава Бутусов и Дима Умецкий.

По дороге на семинар Бутусов сидел в автобусе рядом с Коротичем: «Слава рассказал мне, что хочет записывать альбом. Я отнесся к этому несерьезно – ну Слава, ну альбом... Потом он признался, что мечтает посотрудничать с поэтом "Урфина Джюса" Ильей

Кормильцевым. Я всю дорогу отговаривал его от этой мысли: "Зачем тебе этот Кормильцев, лучше пиши стихи сам, или давай найдем нормального поэта, или давай я стихи напишу..." Слава богу, упрямый Слава не поддался на мои уговоры».

Приехав на место, начали праздновать. Возлияния были бурные. Слава с Димой встали в дверях лекционного зала с бутылкой портвейна и не пропускали никого внутрь без штрафной. Благодаря такой пропускной системе, о чем читали лекции на семинаре, – никто не помнит. Для пропаганды здорового образа жизни программу дополнили футбольным турниром. Рокеры весело погоняли мяч и вернулись за столы. Те, кто смог доползти до сцены, устроили сумасшедший джем-сейшн.

Андрей Саднов, Вячеслав Бутусов, Александр Зарубин, Александр Пантыкин, 1983 год

Бутусов с Умецким, побывав на загородном рок-семинаре, влились в семью свердловских рокеров. Вскоре после этого состав группы изменился: появился барабанщик Александр Зарубин. В клубе Арха приступили к репетициям новых вещей. Музыку и часть текстов написал Бутусов, а остальные он почерпнул из сборника венгерской поэзии. «Книжка к нам попала случайно, – рассказывал Умецкий. – Просто открыли, смотрим, а там так здорово, у них такие роковые тексты. Эту антологию можно шелушить и шелушить».

Когда в клубе на первом этаже института репетировал «Наутилус», шедевры венгерской поэзии легко можно было разобрать под самой крышей здания. Как-то преподаватель марксистско-ленинской эстетики Олег Петров спросил Бутусова: «Слава, зачем вы так кричите?» – «Я так вижу!» – «Это я понимаю. А кричите-то вы зачем?» После таких вопросов Славина манера пения стала несколько сдержаннее.

Летом клуб архитектурного института превратился в студию. Для второй записи «Наутилус» пригласил мэтров. «Трековец» Александр «Полковник» Гноевых взялся отвечать за звук, а «джусовец» Александр Пантыкин – за весь процесс целиком. Оба мэтра дали согласие. Однокурсник и друг Бутусова Ильдар Зиганшин, снимавший весь процесс записи на

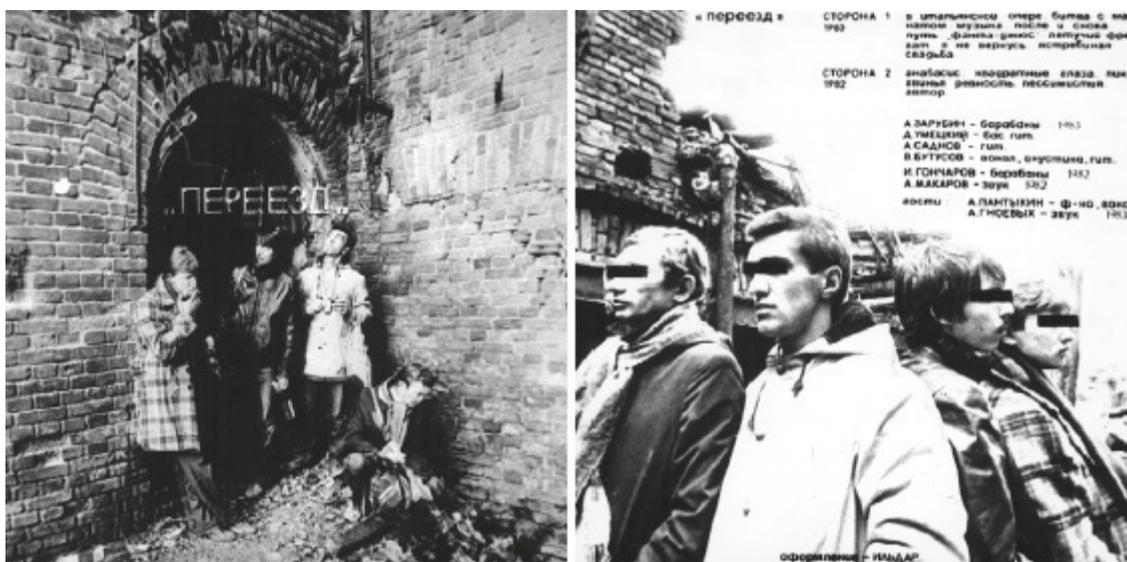
фотопленку, считает второе кадровое решение ошибочным: «У них были абсолютно разные взгляды. Если арховцы любую придурь в хорошем смысле слова воспринимали как должное, то Пантыкин, казалось, даже классическую музыку принимал только самую правильную. Саша – человек четко структурированный. За рамками устоявшихся музыкальных схем для него как будто ничего не существовало. И было бесполезно распечатывать перед ним все консервы, наполненные Славинными идеями. У них со Славой не совпадали вектора. И до сих пор невозможно разобраться, что же в результате этого несовпадения получилось».

Со стороны Полковника запись «Наутилуса» была просто дружеской помощью. Он не хотел погружаться в этот процесс с такой же самоотдачей, как в запись «Трека», да ему и не дали бы. Например, у «наутилусов» вместо барабанов был какой-то кошмар, произведенный в городе Энгельсе. Чтобы добиться хотя бы мало-мальски приемлемого звучания, на настройку ушло бы много дней. «Наутилусы» просто скисли бы, погружаясь во все эти технические подробности. Полковнику приходилось выбирать между собственными амбициями – записать как можно лучше – и тем, чтобы вообще это записать: «Я считаю, что на "Переезде" нет ни одной качественно записанной песни. Моя б воля, я бы подолгу возился с гитарным звуком, со звучанием баса, с настройкой барабанов... А у них трубы горят, им бы записаться быстрее. В результате сделали все недели за две».

Был ли материал «Переезда» заранее отрепетирован – непонятно. У Ильдара складывалось впечатление, что все сочинялось прямо с колес. «Скорее всего, какие-то рыбы были, но, видимо, Слава делился ими только с Сашей, стараясь особо не демонстрировать их никому».

Привыкший к «трековской» дисциплине Полковник, скрипя зубами, молча смотрел, как архитекторы выпивают перед репетицией, а те не могли себе представить, как можно музицировать, предварительно не выпив хотя бы пива. Пантыкин не молчал, он видел свою роль как направляющую и руководящую: «Таких, как Слава, тогда много было. Никто на него не обращал внимания, все его на фиг посылали. Только я помог ему записать альбом». Впрочем, по мнению Зиганшина, роль продюсера лидер «УД» сыграл не блестяще: «Саше было понятно, что "Наутилус" – уже зародившееся существо. А значит, надо поучаствовать в его становлении. Просто отойти в сторону и не мешать Пантыкин не смог. А у Славы не хватило сил попросить Маэстро просто полюбоваться на полет пускай еще неумелых, но уже оперившихся птиц».

Оформление Ильдара Зиганшина

«Сашиного продюсерства там не было, – говорит Бутусов. – Он просто пришел на несколько сессий и обогатил весь материал своим пианино, в молоточки которого навтыкали кнопок. В некоторые песни, в записи которых он участвовал, он привнес профессиональную аранжировку. Одна "Ястребиная свадьба" чего стоит... У нас были грандиозные амбиции, а других профессионалов, кроме Пантыкина, мы не знали. Мы выбрали Сашу с точки зрения музыкальности, хотя «трековцы» тоже вполне бы могли подойти».

Пантыкин и сам согласен с тем, что результат его руководства вышел не ахти: «В "Переезде" я еще не знал, как работать. Только спустя 10 лет я понял, как должна звучать "Ястребиная свадьба", и сделал ее как надо на альбоме "Отчет". Эта версия на порядок выше того, что Слава горланит, просто произведение искусства».

«Переезд» получился коротеньким, мрачным и невразумительным. К нему в качестве «второй стороны» прилепили песни из прошлогодней записи «Али-Бабы», и первый альбом «Наутилуса» пошел гулять в народ именно в таком виде.

Альбом «Переезд» понравился далеко не всем, особенно тем, кто сравнивал его с хулигански-веселой первой записью. «В "Али-Бабе" было столько задорной бодрости, что можно простить ему некоторую идиотичность. В "Переезде" нет ничего подобного. Он производит впечатление какой-то зажатости, – утверждает Ильдар Зиганшин. – Слава дал мне послушать материал одному из первых, и я пришел в страшное уныние, чем с ним и поделился.

Он сослался на общее настроение венгерской поэзии. Для него она в альбоме была красной нитью. При этом сам удовлетворения от результата он не испытывал. Даже звуковая выделка не спасла материал».

Правда, сегодня Бутусов вполне доволен результатами работы 1983 года: «Если учитывать, в каких условиях происходила запись, "Переезд" – просто замечательный альбом. В нем нашла выход наша бурная творческая энергия».

При знакомстве с материалом советских рок-групп начала 1980-х обычно в голову лезут мысли об источниках вдохновения музыкантов, о том, откуда что содрано, или, говоря дипломатичнее, откуда выросли их песни. С «Переездом» – другой случай. В номерах этого альбома хочется найти истоки будущих хитов «Наутилуса Помпилиуса», обнаружить предков «Казановы», «Алена Делона» и «Тутанхамона». Генеалогия выстраивается с большим трудом.

Если рассматривать только собственно «Переезд» (оставляя бонусные дописки 1982 года за бортом), то песни распадаются на две примерно одинаковые кучки: условные рокешники и столь же условную лирику. Под звуки песен из первой категории лампочка в голове загорается только у тех, кто слышал вокализы Бутусова в металлической версии димовского «Степа» образца 1986 года. Тот же ор на пределе человеческих возможностей при крайнем лаконизме мелодического рисунка. Нечто подобное, но не столь истощное, можно было услышать на несостоявшемся наутилусовском альбоме «359 градусов обстрела» (1985), но так как эта запись была похоронена самими музыкантами, то данную ветвь развития группы можно считать тупиковой. С лирическими композициями дело обстоит еще кислее. Без душераздирающих воплей становится слышно, как композиции рассыпаются на плохо сочетаемые между собой партии инструментов. Рояль Пантыкина, продюсировавшего альбом, пытается сцементировать эту несуразную архитектурную конструкцию, но получается плохо; гитарист Андрей Саднов ищет любую щелочку, чтобы продемонстрировать, что он может поиграть и так, и вот этак, и даже фламенко потянет. Когда же воля продюсера берет верх, получается нечто почти «УДэшное», как в песне «Фанта Джюс» (ирония или самоирония?). Легкий отсвет будущего «Помпилиуса» можно разобрать разве что в треке «Музыка», слегка напоминающем «Свидание», – мягко говоря, далеко не главный хит «Невидимки».

Но удачи в «Переезде» все-таки есть, правда, откопать их из-под нагромождений исполнительского мусора, отмыть и превратить в сияющие кристаллы удалось другим артистам. Настя Полева до сих пор исполняет на концертах «Летучий фрегат», а Александр Пантыкин в 1993 году продемонстрировал, как должна была звучать «Ястребиная свадьба», если бы ему не мешали всякие там...

Если сквозь утрамбованное полотно «Переезда» и удалось пробиться несколькими росткам, то своим цветением они обязаны совсем другим садоводам. По отдельно же взятой записи 1983 года сложно представить, что через несколько месяцев Бутусов начнет сочинять один шедевр за другим и «Наутилус», переехав свой первый альбом, двинется совсем в другом направлении – в сторону «Помпилиуса», «Невидимки» и истощно вопящих стадионов.

Нельзя сказать, что «Переезд» сделал группу популярной, но известности хватило, чтобы «Наутилус», наравне с «Урфином Джюсом» и «Треком», попал в пресловутые черные списки, рассылавшиеся из Москвы по областным управлениям культуры.

Осенью «Наутилус» надолго осел в ДК «Автомобилист». Базу надо было отрабатывать. 30 октября, в профессиональный праздник – День шофера, – группа исполняла со сцены песни автомобильной тематики. Под шумок в День первокурсника САИ дали собственный концерт. Для усиления подключили Виктора Комарова, сыгравшего на рояле. Мнения об этом дебюте разошлись. В зале народ скучал, на следующий день в институте зрители благодарили музыкантов.

Под новый год «Наутилус» впервые мелькнул на телеэкране. В новогодней программе Свердловского телевидения земляков поздравили с праздником «Урфин Джюс» и «Наутилус». Специально для этого с помощью Кормильцева сочинили две задушевные песни. Бутусовский шлягер назывался «Снежная пыль». На фоне немудрящих спецэффектов полуподпольные рокеры выглядели беззащитными и нестрашными.

Съемки на телевидении, 1984 год

Еще одна ТВ-съемка состоялась в апреле 1984 года, уже в период полураспада студенческого состава «Наутилуса». После защиты диплома все начали разбегаться. «Нас предупреждали, что при выходе на работу будет стресс, – вспоминал Умецкий. – Но насколько чудовищным он будет, мы предположить не могли».

Музыканты «Наутилуса» за последние два года полностью погрузились в искрящееся рок-н-рольное море, и выныривать на тусклый берег им совершенно не хотелось. Бутусов, по его собственным словам, «мечтал жить только в этой плоскости, в этой атмосфере, в этом пространстве, чтобы поменьше оставалось всего остального: этой рутины, обыденности, угнетающей и серой реальности. И не хотелось задумываться о том, что она неизбежна, что с этим нужно учиться жить... В 84-м году мы поняли, что сейчас нас всех разметает по разным местам и мы, может быть, даже и не увидимся. Состояние было, как у наркомана, когда его

от дудочки оторвали. Мне предназначено было в Тюмень ехать. Как потом выяснилось, от меня там чудом отказались».

Умецкий находился примерно в таком же настроении: «Когда мы закончили институт, депрессии были чудовищные. Все-таки Арх – это была вольница. Где еще в обеденный перерыв можно было по официальной трансляции послушать "Led Zeppelin"? А тут пришлось ходить на работу! Ну, в конце концов с этой ситуацией мы справились».

Хотя почти все «наутилусы» остались работать в Свердловске (только Андрей Саднов уехал в Первоуральск), группа фактически развалилась. Рокеры превратились в проектировщиков, гитары заменили кульманы и рейсшины. Слава в институте «Уралгипротранс» придумывал облик станции метро «Уралмаш». Дима водил карандашом в «Уралтеплоэнерго-проекте». Производственную усталость молодые проектировщики снимали не музыкой, а алкоголем. Постепенно тусовка почти махнула на них рукой – еще двое подававших надежды больше уже ничего не подают...

Вячеслав Бутусов во время защиты проекта, 1984 год

Лето Слава с Димой провели в разброде и шатаниях. Осенью начали снова думать о музыке. Они предложили только что вернувшемуся из армии барабанщику «Трека» Андрею Котову поиграть с ними хард-рок. Тот отказался – он уже репетировал с будущим «Кабинетом». «Они очень расстроились, перестали играть хард-рок, взяли драм-машину, и получился известный всем "Наутилус". А если бы я согласился, может быть, до сих пор играли бы хардешник», – улыбается Котов.

3

В отсутствие барабанщика пришлось изобретать другие варианты. У клавишника «Слайдов» Алексея Хоменко попросили «Yamaha PS-55» со встроенной драм-машинной.

ней стал играть Витя Комаров, ставший третьим «наутилусом». С появлением клавиш сразу изменился и стиль. «От драм-машинки мы пришли в страшный восторг, – говорит Бутусов. – Кроме того, это давало нам возможность записываться в однокомнатной квартире по ночам. Мы не могли позволить себе живые барабаны в этих условиях. Так что new wave была для нас идеальным форматом».

Виктор «Пифа» Комаров на концерте в Челябинске, 1985 год. Фото Леонида Порохни

В конце февраля 1985-го началась интенсивная работа над новым материалом. «Все было очень весело, – рассказывает Комаров. – Слава приносил какую-то текстовую рыбу и слабые-слабые наметки мелодии. И на это, как на стержень от искусственной новогодней елки, остальные нанизывали свои музыкальные идеи. В результате оставалось только воткнуть наверх звездочку».

Звукооператоры Леонид Порохня и Дмитрий Тарик записывали альбом в пустой однокомнатной квартире на портастудию Кормильцева. Илье принадлежала не только аппаратура, но и текст последней вещи альбома «Кто я?» Именно с нее началось активное сотрудничество авторского тандема Бутусов – Кормильцев.

Хозяин квартиры, однокурсник «наутилусов» Дима Воробьев, уехал в отпуск и рекорд-сессии не мешал. Но стены в доме были тонкие, и Славини рулады могли переполошить соседей – запись происходила в основном в ночное время. Поэтому в тех местах, где тре-

бывалось форсировать вокал, Бутусов пел в лежачем положении – его с микрофоном накрывали всеми имеющимися матрасами и одеялами, и под этой мягкой звуконепроницаемой грудой он вопил в свое удовольствие. Правда, удовольствия было мало: под тяжестью перин он рисковал задохнуться.

Оформление Ильдара Зиганшина

Восьмого марта запись альбома, получившего название «Невидимка», была закончена. Новое творение группы в тот же вечер включили на дискотеке в арховском общежитии, но танцующие не оценили историчности момента. На следующий день состоялась «официальная» презентация релиза. На квартиру Воробьева пришел целый конклав. Человек шесть, в том числе Грахов, Белкин, Матвеев. Все уселись на полу, включили портастудию. Прослушали альбом. Несколько минут тишины. Потом начались осторожные высказывания. Народ был ошарашен. Это звучало абсолютно не в свердловском стиле. Драм-машина, четкий ритм, аккуратные клавиши, Славин вокал, исполненный какого-то страдания. Матвеев был просто пришиблен: «Мы сидим и ждем, узкий, можно сказать, избранный круг. "Помпилиусы" волнуются больше всех, возьмется с аппаратурой. И вот раздается голос, просто голос... Что же, начало многообещающее, посмотрим, что будет дальше. А дальше наступил полный абзац. Все дерьмо мира и поколения, все дурные вибрации были выплеснуты на нас, но это было на таком высоком уровне, что я не побоюсь одного умного слова – катарсис. Да-да, я пережил именно катарсис и после прослушивания просто встал и поехал домой, ибо ни говорить, ни слушать больше не мог». «Невидимка» стал огромной неожиданностью. Никто не думал, что такое можно сделать.

Кстати, именно в этот день было объявлено, что «Наутилус» теперь еще и «Помпилиус». Латинское имя голожаберного моллюска вспомнил полиглот Илья Кормильцев. Музыканты боялись, как бы их не начали путать с московскими тезками. Имена бывших участников «Машины времени» Евгения Маргулиса и Сергея Кавагоэ давали столичному «Наутилусу» фору, и уральцы боялись затеряться в тени... Через три года московский «Наутилус» не выдержал конкуренции с «НП» и распался...

Одно из первых прослушиваний «Невидимки» проходило дома у Пифы. Слушали и пили, причем пили больше. Потом началось нетрезвое обсуждение. Раздались голоса, что новый «Наутилус» – это попса и не имеет права именоваться роком. Бледного Бутусова закидали этими обвинениями по самую макушку. Умецкий с гитаристом «Метро» Володей Огоньковым, не любившие подобных философских базаров, ушли в дальнюю комнату, где бухали портвейн и травили анекдоты. Вдруг Умецкий заметил прошмыгнувшего на кухню Славу, схватил бутылку и бросился за ним. Влетев на кухню, собутыльники увидели разожженную газовую конфорку и пьяного в хлам Бутусова, разматывающего пленку «BASF» с драгоценной «нулевой» копией «Невидимки» на пол. Схваченный поджигатель стал кричать: «Пустите, я не выпущу это! Я уничтожу это говно!» Первым делом Дима смотал обратно на катушку пленку, а затем насильно влил в рот лидеру будущей супергруппы немного портвейна. Эта доза стала последней алкогольной каплей, необходимой для перехода Бутусова в стадию тревожного сна. Наутро он ничего не помнил. Все остальные даже ничего не заметили. Уничтожение пленки не было бы катастрофичным – к тому моменту существовало уже несколько копий, но Слава в том разрушительном порыве готов был стереть с лица земли все следы своего детища. Столь болезненная реакция на критику заставила хранить драгоценный оригинал под семью замками и уж точно не брать его с собой на «музыковедческие» застолья.

«Наутилус Помпилиус» и «Урфин Джюс», 1985 год

«Невидимка» быстро разошелся по стране. На альбом обратила внимание даже московская рок-пресса, обычно с некоторым снобизмом посматривавшая на провинцию. Журнал «Урлайт» в начале 1986 года опубликовал рецензию Евгения Матусова, укрывшегося за псевдонимом Робинзон: «Ребята поют о взрослении, о расставании с девушкой своей мечты, о мисс Америке. Очень лирическая песня и очень грустная... Говорят, свердловские группы слишком увлекаются мистикой, что первый диск "Наутилуса" был сплошной "мистикой".

Я не слышал первого диска "Наутилуса", плохо разбирал слова на концерте свердловской группы "Трек", не слышал "Урфин Джюса", но если кто-то должен напоминать в музыке о смерти – пусть это делает Свердловск...»

«Невидимка» сразу выкинул вчерашних студентов в самый топ уральской рок-сцены. «Наш успех начался с "Невидимки", на нас сразу ушат ландрина вылили, – говорил Умецкий. – Он попал к месту как-то и ко времени, поэтому он так сразу и разошелся». Вскоре последовало первое гастрольное приглашение – 1 июня «НП» отправился в соседний Челябинск.

«Наутилус» представил южноуральской публике свою новую вокалистку – еще 15 мая в группу позвали бывшую участницу «Трека» Настю Полеву. Новый альбом был исполнен полностью. Настя солировала в «Князе тишины», подпевала Бутусову в «Последнем письме» и «Мифической столовой». В «Столовой» пришлось поработать голосом и Пифе: «Слава забыл текст, и я подхватил за него. Слова он вспомнил, но закончить куплет я уже ему не дал. Сам пел». Две сотни зрителей принимали очень хорошо. И «Наутилус» презентовал две новые песни: «Клипсо Калипсо» спела Настя, а «Взгляд с экрана» (представленный ведущим как «Любовь на стене») – Бутусов. Текст к обеим новинкам написал Илья Кормилцев. Штатный поэт «Урфина Джюса» почти полностью переключился на «Наутилус».

Вячеслав Бутусов, Настя Полева, Егор Белкин, Виктор «Пифа» Комаров, Дмитрий Умецкий, Александр Пантыкин в Челябинске, 1985 год. Фото Дмитрия Константинова

Стеснительный очкастый юноша с пачкой текстов в руках появился в свердловской рок-тусовке в конце 1980 года. Лидеру новорожденного «Урфина Джюса» Пантыкину до зарезу требовался текстостик. Решил проблему новый знакомый, которого звали Илья Кормилцев. Его стихи сначала Саше не понравились, но с этим материалом уже можно было работать. С первых дней совместного творчества композитор и поэт очень сблизились: «Мы много говорили, и я чувствовал, что у нас с ним один уровень. Мы очень сильно отлича-

лись от других людей. Все они выглядели какими-то недоделанными, недоумками, которые ничего не могут, ничего не читают, ничего не слушают. Нам казалось, что мы – одни из немногих. Тех, кто мог нас понять, совсем мало. Такой у нас был снобистский подход».

Первые недели общения молодых соавторов прошли в творческих поисках: «Мне было важно видеть в лице поэта музыкального человека. Илья слушал очень много музыки, он знал ее энциклопедически. Мы с ним переводили английские тексты, анализировали их – это была настоящая лаборатория. Мы искали новую подачу русских слов, открывали способ, как уложить их в прокрустово ложе рока».

Илья очень болезненно относился к требованиям редактировать свои тексты. По словам Пантыкина, «он считал свои произведения гениальными, а себя – последней инстанцией». Творческие амбиции усугублялись личными качествами Ильи. Сказать, что он был человеком сложным, – это очень мягкая формулировка. «Кормильцева мы все страшно не любили, – вспоминает Александр Коротич. – Он был крайне неудобный человек. Даже я, очень спокойный по характеру, несколько раз крепко с ним ругался. Мы все убеждали Пантыкина выгнать этого Кормильцева и найти нормального поэта. У него и рифмы какие-то странные, и тексты для музыки «УД» какие-то несерьезные. Но Саша не поддавался».

Пантыкин и сам частенько страдал от кормильцевских закидонов: «Илья был фантазером, даже интриганом и провокатором. Он мог выдумать несуществующую ситуацию и закинуть в народ эту сплетню, понимая, что человек благодаря ей выглядит в дурном свете. Практической выгоды он при этом не преследовал – это была форма его существования. В "Урфине Джюсе" Кормильцев постоянно был заводилой какой-то ерунды, каких-то разборок. Однажды ему за это морду начистили, после чего он заявил, что не будет с нами работать. Ничего, помирились. Я, столкнувшись пару раз с такими выходками, просто перестал обращать на них внимание. Но прежнего теплого расположения к Илье у меня уже не было».

Илья Кормильцев, 1985 год. Фото Дмитрия Константинова

В то же время Кормильцев покорял людей своим широчайшим кругозором и готовностью делиться им чуть ли не с первым встречным. Он удивлял все заводоуправление Верхнепышминской «Радуги» тем, что в каждую свободную минуту доставал из сумки книжку, чаще всего иностранную, и начинал запоем читать. Егор Белкин благодарен Кормильцеву за открытие новых музыкальных горизонтов: «Я же простой парень, кроме хард-рока ничего не слышал. А он мне дал свежие альбомы Кейт Буш и Питера Гэбриела – это по тем временам было дико продвинуто. Новые стоящие идеи появляются только тогда, когда ты слушаешь разные музыки, когда они в твоей голове спорят между собой».

За неполных четыре года сотрудничества Кормильцева с «Урфином» их отношения с Пантыкиным пришли в полный раздрай: «Мы ссорились, неделями не разговаривали, спорили. Он обвинял меня в том, что я не ценю его поэзию, я его – что он ни хрена не понимает в музыке. Я чувствовал, что мы рано или поздно разойдемся».

Осенью 1984 года Николай Грахов встретил Кормильцева неподалеку от УПИ: «Он был в истерике: "Что мне делать?! Я в отчаянии! Пантыкин не хочет со мной работать! Я не вижу применения своим талантам. Я не вижу никого, с кем я мог бы еще сотрудничать". Я предложил ему посотрудничать с молодыми группами, но он возразил: "Нет, они не того уровня, который мне интересен". Для него это была настоящая трагедия».

Вскоре после этого на текст Кормильцева «Кто я?» написал песню Бутусов. Илья признавался Егору Белкину, что он чувствует перспективу, что ему страшно интересно поработать со Славой и Димой. Он весь горел энтузиазмом. По словам Умецкого, «Илья сам предложил стать нашим штатным поэтом, то есть он не пишет ни для кого, кроме нас, но и мы не пользуемся ничьими стихами, кроме его, ну и собственных. Этакий двусторонний эксклюзив».

Кормильцев был очень плодовитым поэтом. Его папка пухла от не востребуемых стихотворений. В 1985 году он, помимо «Наутилуса», начал сотрудничать сразу с несколькими коллективами, как будто боясь остаться невостребованным. Но главным для Кормильцева с 1985 года стало сотрудничество с «Наутилусом Помпилиусом». Пантыкин находит этому два объяснения: «Слава его тексты почти не менял – он просто брал их как есть и писал на них песни, что Илья всячески приветствовал. Кроме того, у "Нау" уже имелась "Гудбай, Америка" – явный хит. А как только запахло хитами, Кормильцев сразу переметнулся туда. Он всегда был там, где успех».

Вячеслав Бутусов подтверждал версию, что именно его бережное обращение с текстами расположило Кормильцева к «Наутилусу»: «Илья сначала давал нам литературные эззерсисы, которые он писал для себя. Его потрясло, что мы с пиететом к ним отнеслись, ни буковки не попросили убрать. Илью это зацепило, и мы легко договорились: он дает нам тексты в свободной стилистике, а мы не диктуем, о чем должна быть песня, в каком размере, в каком темпе и так далее! Для него это было отдохновением – я редко просил Илью что-то переделывать, он всегда это болезненно воспринимал. Если я видел, что текст совершенный, брал его таким, какой он был. Если требовались какие-то хирургические вмешательства, то лучше дать стихам отлежаться, не мучить их, всему свое время». Как бы то ни было, именно как текстовик «Наутилуса» Кормильцев стал известен всей стране.

Химик по образованию, он имел энциклопедический кругозор и был лингвистом от бога. Те, кто брался подсчитать количество языков, которыми Илья владел достаточно свободно, обычно сбивались после 15-го пункта. Было принято считать, что в его арсенале 17 языков. Сам полиглот на вопросы по этому поводу многозначительно улыбался. Знание языков часто помогало ему в написании текстов.

«Кормильцев нередко выбирал переводческий путь, – говорит поэт «Трека» Аркадий Застырец. – Он был в "языке" и мог использовать матрицы, которые в рок-н-рольной традиции уже существовали. Я же не настолько знал английский, и песни, которые я слушал на пластинках, звучали для меня, как англофонная "рыба". Поэтому я всегда пытался реализовать свою собственную фонетическую содержательную матрицу».

Мнение об использовании Кормильцевым чужих идей довольно распространено. Действительно, достаточно сравнить его «Взгляд с экрана» и подстрочный перевод песни «Robert De Niro's Waiting» английской поп-группы «Bananarama»:

Надежда брошена на пол, как разбитые мечты подростка.
Мальчики, живущие по соседству, никогда не то, чем они
кажутся.
Прогулка в парке может стать кошмаром,
Люди смотрят и следуют за мной.
Это мой единственный выход.
Смотреть на экран или на лицо на стене.
Роберт Де Ниро ждет, и говорит по-итальянски.

Текст говорит сам за себя. Достаточно заменить «Роберта Де Ниро» на «Алена Делона», а итальянский на французский – и совпадение будет почти полным. Надо лишь

добавить напитки – «одеколон» и «двойной бурбон». Кормильцев и сам не скрывал источников своего вдохновения: «Я использую такой литературный прием, как заимствование, абсолютно сознательно, поскольку считаю, что он совершенно законный – постмодерн в этом веке сделал его даже банальным. Это же не дословный перевод, а использование каких-то фрагментов, диалог с культурой, которую ты слушаешь. В альбоме "Разлука" есть такие смешные источники, как название дискотечной песни уже подзабытой группешки "Banarama". Она называлась "Robert De Niro Speaks Italian"» («АиФ», № 22, 1997).

Творчество Кормильцева в Свердловске вызывало противоположные оценки. Николай Грахов скептически относится к частому применению термина «гениальность»: «Судить надо по результатам. В песни превращались только самые лучшие его тексты, уже прошедшие отбор композитора. Они хорошо подходили к красивым мелодиям и поэтому легко запоминались. Можно считать, что он был гениальным, но текстовиком».

Экс-клавишник «Наутилуса» Алексей Хоменко считает иначе: «Тексты Кормильцева многослойны, он делает слушателя своим соавтором, дает ему домыслить важный именно для него смысл. Это и есть признак гениальности. Парадоксальный, непредсказуемый Илья был свободен от всего, в том числе и от традиций. Ведь что такое традиции – это лень сделать что-то по-новому. А его традиции не сдерживали. В применении к Илье мне слово "гений" не кажется преувеличением».

«Наутилусы» сотрудничеством с Ильей были довольны. «Он пишет совершенно фирменные тексты, – говорил Умецкий в начале 1986 года. – И если мы запишем новый альбом, там будет где-то 90 % его текстов, ну или 80 %». Андрей Матвеев считает: «При всем уважении к светлой памяти моего близкого друга Ильи Валерьевича, тексты "Урфина Джюса" – это бред собачий, а то, что Илья писал для Славы, было на голову выше, потому что он писал о личном. Здесь произошла магия. Слава почувствовал тексты Ильи, как Илья проникся музыкой Славы. До сих пор, как слушаешь это, слезы на глаза наворачиваются. И дело не в ностальгии, просто это гениальные песни».

«Наутилус» вместе с Ильей частенько зависали в коммунальной квартире, где жил Пифа. Кроме хозяина в комнате обитал еще манекен Федор – существо мертвенно-страшного вида, сотворенное группой «Трек» в натуральную величину из поролонки на деревянном каркасе. Витя его приделал, сделал парик. Федя жил между балконной дверью и шторой. Гостю-новичку обычно предлагали отдернуть штору, и милый Федя оказывался с ним нос к носу. Реакция следовала самая разнообразная, беременные женщины были очень недовольны.

Во время одной из посиделок Слава подарил Кормильцеву «Алена Делона». Взял и просто под гитару его спел. Прозвучало это так неинтересно, что Илья пришел в неистовство. Славу он бить не стал, отыгрался на безответном Феде – схватил его и швырнул с балкона. Федор, гремя деревянными сочленениями, пролетел три этажа и упал рядом с греющимися на майском солнышке старушками на лавочках. Они с изумлением наблюдали, как выскочившая из подъезда веселая компания с причитаниями и наставлениями типа «осторожно, голову берегите» занесла тело самоубийцы в подъезд. «После этого бабушки обрадовали на меня внимание целых две недели», – до сих пор гордится Виктор.

4

В то время в Свердловске почти два года не было ни одного рок-концерта: городское культурное начальство строго охраняло души и уши уральцев от идеологически чуждых влияний. Затянувшуюся паузу нарушил «Чайф», давший свой первый концерт в сентябре 1985 года в новом ДК МЖК. После выступления к Владимиру Шахрину подошли «наутилусы», восхитились уютным залом и размечтались, как бы им здесь тоже выступить. «Я пошел с

этой идеей к директору клуба Сереже Ивкину. Он показал мне список запрещенных групп, где фигурировал «Наутилус», но я уломал его выдать это все за итоговый концерт конкурса самодеятельности архитектурного института».

Концерт намечали на 26 октября. Особо о нем не распространялись, но не из-за супер-подпольности. Зал был маленький, с крохотным балкончиком, и все желающие не смогли бы войти физически. В Архе изготовили фотоспособом 150 билетов с тремя стилизованными фигурками. Когда число зрителей перевалило за две сотни, контролеры на входе почуяли подвох. Скрупулезное сличение заведомо подлинных билетов с подозрительными доказало, что преподавание графики в архитектурном институте было на высоте. Проходки подделывали не только с помощью фотоувеличителя, но и виртуозно рисуя те самые фигурки на какой-то лощеной бумаге. Видимо, групп фальшивобилетчиков было несколько, и до момента разоблачения они с помощью своей продукции успели плотно набить зал.

Билет на концерт в ДК МЖК. Оформление Ильдара Зиганшина

Зрители толпились на расстоянии полутора метров от импровизированной сцены. Было душно. Воздух нагревали мощные лампы подсветки. Трое «наутилусов» плюс Настя решили устроить подобие шоу – глаз радовали костюмы, сильно напоминавшие пижамы. Звук радовал уши гораздо меньше – все плавало, гудело и отдавалось эхом. Но аудиторию это смущало мало. «Невидимку» все знали наизусть, а новых, незнакомых песен было немного. Почти полуторачасовой концерт прошел в теплой дружеской обстановке.

Народ уже расходился, когда примчалась комиссия из района. Ивкин успокаивал проверяющих, что, мол, самодеятельность это, что, мол, все чисто и даже не накурено, когда вдруг в кабинет директора вломился однокашник музыкантов Игорь «Терри» Перин и с порога закричал: «А что, "наутилусы" уже уехали?» На этом концерты в ДК МЖК закончились, и закончилась карьера Сережи Ивкина как директора клуба.

Через концертных мероприятий прервалась. На 9 ноября намечалось совместное выступление «Урфина Джюса» и «Наутилуса» в ДК «Урал». Но после звонка начальника отдела идеологической и культурно-массовой работы обкома ВЛКСМ Сергея Лацкова исчезли даже мысли о возможности рок-концерта. Вскоре пути Насти и «Наутилуса» разошлись – Полева занялась сольным творчеством.

Концерт в ДК МЖК, 26 октября 1985 года. Фото Дмитрия Константинова

В конце года «Наутилус», взяв за компанию «Чайф», второй раз съездил в гостеприимный Челябинск. Концерт был назначен на 23 декабря. Бутусов, Умецкий и гитарист «Чайфа» Бегунов уехали раньше остальных музыкантов. На следующее утро основные силы свердловчан нашли их дома у бывшего наутилусовского барабанщика Игоря Гончарова в невменяемом состоянии. Тела квартиреров окружали пустые упаковки от галоперидола и их собственные галлюцинации. Возможно, поэтому вечерний концерт трудно было назвать суперуспешным.

В Челябинске играли на территории какого-то завода. Проникали туда через дырку в заборе. Билетом служила хитрым образом разрезанная открытка. Если две ее половинки совпадали – значит, свой, проходи. Сначала играл местный «Тролль», потом «Чайф». Играли так себе. На первом ряду сидел лидер челябинской группы «Братья по разуму» Вова Синий и в нелюбимых выражениях критиковал происходящее. Вышли «наутилусы». Публика начала танцевать. Синий продолжил критику. Концерт закончился. Гастролеры уехали в Свердловск, а публика разошлась довольная, по дороге побив Вову Синего за его критиканство.

К концу года ясно ощутилась смена лидеров внутри свердловского рок-н-рольного сообщества. После «Невидимки» вперед явно выбился «Наутилус Помпилиус», чья музыка начала завоевывать слушателей далеко за пределами Урала.

Зимой «НП» попробовал снова заняться записью. Альбом «359 градусов обстрела» репетировали и начерно записывали у Славы дома. Но заход оказался неудачным, работа так и не была закончена. От альбома сохранилась всего одна песня – «Каждый вздох». По словам Бутусова, она была данью уважения хард-року, от влияния которого группа долго не могла избавиться.

11 января 1986 года произошло важное событие: архитектурное трио впервые сыграло с саксофонистом Алексеем Могилевским. Случилось это на подпольном концерте с

участием четырех свердловских групп в институте «Уралтехэнерго». «Наутилус», «Чайф», «Урфин Джюс» и «Флаг» на одной сцене – ничего подобного в Свердловске не было со времен фестиваля САИ, почти пять лет!

«Наутилусы» и Могилевский уже были знакомы, по Лехиным словам, близость музыкального училища и архитектурного института к одним и тем же винным магазинам сблизила его с творческой элитой. Алексей, после окончания музыкального училища работавший по распределению завклубом в селе Черемисское, приехал попеть и подудеть в составе группы «Флаг», с которой сотрудничал еще в годы учебы. Однако «Флаг» в помощи не нуждался, и бесхозного духовика завлекли к себе «наутилусы», тут же на пальцах объяснив, что и когда надо играть. Попутно заведующий сельским клубом приобрел облик типа «продвинутой городской юноша конца XX века»: «Передел меня Андрюша Макаров, который в «Наутилусе» не только заведовал звуком, но и волок на себе еще функции костюмера. Он заставил меня сменить тельняшку на футболку с модным рисунком, какие-то девчонки из арховской тусы меня тут же подстригли. Мы чуток прорепетировали в комнатке за сценой... Таким образом я, приехав помочь "Флагу", сыграл с "Наутилусом"». В результате special guest и его соло на саксофоне в «Рислинге» вызвали ажиотаж в зале. Троице понравилось звучание саксофона, и они предложили Могилевскому поиграть вместе. Однако сам Алексей почти полгода себя «наутилусом» не считал, он там просто работал.

Концерт группы «Наутилус Помпилиус» в Уралтехэнерго, 11 января 1986 года. Фото Дмитрия Константинова

В начале 1986 года «Наутилус Помпилиус» впервые появился на киноэкране. Музыканты поучаствовали в создании короткометражного фильма «Раньше было другое время», снятого ассистентом режиссера Свердловской киностудии и студентом-заочником Высших режиссерских курсов Алексеем Балабановым. С рок-тусовкой Алексей был неплохо знаком.

В середине 1980-х его сближали с уральскими рокерами и возраст, и любовь к современной музыке, и принадлежность к узкому кругу молодой уральской богемы.

Алексей Могилевский на концерте в Уралтехэнерго, 11 января 1986 года. Фото Дмитрия Константинова

Когда знакомый Балабанова студент-оператор из ВГИКа Александр Кочусов взялся за курсовую работу, Алексей сразу решил, что надо делать маленькое, но настоящее игровое музыкальное кино. «Операторские курсовые вообще можно было без сюжета снимать. Но Леха считал, что если дают камеру и пленку, то надо делать настоящий фильм!» – вспоминает близкий друг Балабанова Егор Белкин.

Сценарий был написан за одну ночь. Молодой парень (Игорь Незлобинский) задолжал крупную сумму. Его девушка (Надежда Озерова) целый день бегает по городу, пытаясь найти деньги, чтобы помочь любимому. Вечером в ресторане кредитор (Виктор Шавруков) соглашается простить долг, если несостоятельный должник уступит ему свою подружку. Тот с радостью соглашается. Девушка случайно слышит этот разговор и горько рыдает, но... утром просыпается в постели кредитора. В семнадцать минут экранного времени уместилась не только эта однодневная драма, но и несколько песен «Наутилуса Помпилиуса». Если «Клипсо Калипсо» «Нау» с Настей исполняют в кинопавильоне, то «Алена Делона» группа поет, стоя на сцене ресторана, где происходит конфликт. Во время съемок эпизода в кафе

«Старая крепость» Бутусов единственный раз в жизни попробовал себя в роли ресторанного лабуха. Первый просмотр короткометражки «Раньше было другое время» состоялся 6 февраля 1986 года. Присутствовавшим на премьере музыкантам работа Балабанова понравилась. Неудивительно, что они с энтузиазмом отнеслись к его идее снять выпуск киножурнала о проблемах молодежной музыки.

Кадры из фильма Алексея Балабанова «Раньше было другое время», 1985 год

Киножурнал «Советский Урал» был дежурным блюдом всех свердловских кинотеатров. Зрители знали, что опоздать на 5–10 минут к началу сеанса нестрашно – ничего интересного не пропустишь. Вести с полей, новости промышленности, репортажи о стройках – под эти кадры было принято занимать свои места и устраиваться в креслах поудобнее. Журнал выходил каждый месяц, но иногда снимались сверхплановые выпуски, которым присваивались номера 13, 14 и т. д.

Тринадцатый выпуск «Советского Урала» за 1986 год для многих поломал стереотип скучности киножурнала. С большого экрана рассказывали о том, как их не пускают к слушателям, Вячеслав Бутусов, Владимир Шахрин, музыканты «Урфина Джюса». Зияющие пустотой залы домов культуры и монотонный бубнеж директора одного из клубов о проведенной культмассовой работе резко контрастировали со словами молодых людей на улицах. Ребята хотели слушать современную музыку, знали свердловские группы, но не имели возможности их увидеть. Звучавшие с экрана «джюсовский» «Контакт», «Мой блюз» Шахрина и «Последнее письмо» «Наутилуса» иллюстрировали трагичную разобщенность музыкантов со своей аудиторией. Заканчивался выпуск надеждой, что создаваемый в Свердловске рок-клуб сможет изменить сложившуюся ситуацию.

5

Идея создания собственного рок-клуба бурлила в свердловской музыкальной тусовке уже пару лет. «Наутилусы» принимали живейшее участие в осуществлении этого замысла, участвовали в собраниях и встречах с представителями властей, подписывали письма о создании рок-клуба во всевозможные инстанции. Бутусов запомнил пламенное выступление традиционного оппозиционера Ильи Кормильцева на одном из собраний: «В голове замелькали фильмы про Ленина, про революцию, про большевиков и прочие коллизии. Мы слегка обалдели – не были готовы к такой политической борьбе, мы-то думали, что все это просто про музыку». На таких встречах говорили о целях, задачах и структуре рок-клуба, обсуждали возможные кандидатуры его президента. Альтернативы Николаю Грахову не было. Сам будущий президент рок-клуба узнал о выдвижении своей кандидатуры именно от «наутилусов»: «Приехали ко мне домой Бутусов с Умецким: "Давай, ты будешь все пробивать, а мы будем тебе всячески помогать. Думаем, что только ты это сможешь". Ну ладно...»

15 марта 1986 года Свердловский рок-клуб был официально открыт. На его первом заседании в ДК Свердлова полторы сотни собравшихся официально избрали Грахова своим президентом и разобрали анкеты будущих членов рок-клуба. Правда, заполняли бумаги не все. «Урфин Джюс» и «Наутилус» не торопились со вступлением: через неделю у них намечался выезд с концертами в Казань. Музыканты опасались, что если они отправятся на полулегальные гастролы, будучи членами рок-клуба, то могут подставить под удар новорожденное объединение.

Но «Наутилусу» в Казани в тот раз выступить не удалось. Концерт «Урфина Джюса» вызвал в городе такой ажиотаж, что начальники татарской культуры от греха подальше запретили остальные намеченные концерты. Просидев два дня в гостинице, свердловчане вернулись домой, где уже разворачивалась деятельность рок-клуба.

Николай Грахов, 22 июня 1986 года

На начальном этапе главной задачей виделась организация фестиваля с участием максимального количества свердловских групп. Но для выступления перед публикой требовалось получить бумагу с печатью, свидетельствующую, что в текстах песен нет никакой крамолы, так называемую литовку. Литовочные баталии обычно проходили бурно. Например, 13 апреля решалась судьба сразу нескольких программ. Дошла очередь до «Наутилуса». 60 % их текстов назначенный властями цензор милостиво пропустил, а остальные забраковал. Тут уж взорвался Илья Кормильцев. Впрямую дураком он цензора не называл, но всячески давал понять свое отношение к его мнению. Стороны расстались недовольные друг другом...

В июне 1986 года «Наутилус Помпилиус» впервые смог выступить официально. Руководители городской культуры, еще вчера гнобившие «самодеятельные ансамбли», вдруг резко захотели предъявить их творчество народу. Намечался Праздник советско-чехословацкой дружбы, и гостям из города-побратима Пльзенья было решено показать, что в Свердловске поют не только «Уральскую рябинушку». Рок-клуб настоятельно попросили организовать выступление нескольких рок-групп в Историческом сквере в центре города, причем под фонограмму. Отказаться было невозможно. Выбор чиновников пал на «Урфин Джюс», «Наутилус», «Флаг» и «Трек». То, что «Трека» уже три года как не существовало, заказчиков волновало меньше всего. Отобранные для концерта композиции чудесным образом получили литовку, правда, однократную (существовала, как оказалось, и такая).

Все музыканты были по уши заняты репетициями фестивальных программ. Но против лома нет приема – пришлось им отвлекаться. Накануне концерта состоялся его прогон перед светлыми очами руководства городской культуры. Музыканты относились к предстоящему «фанерному» мероприятию подчеркнuto наплевательски. В горькоме комсомола инструментов, понятное дело, не было, поэтому роль клавиш и барабанов исполняли стулья, а гитаристы «играли» на каких-то палках. Тем не менее проверяющие внимательно смотрели на этот дурдом, делали замечания и сетовали на неготовность рокеров к завтрашнему мероприятию.

Виктор «Пифа» Комаров и Дмитрий Умецкий в Историческом сквере в Свердловске, 13 июня 1986 года. Фото Дмитрия Константинова

13 июня зарядил мелкий противный дождик, под который все наотрез отказались выносить свои драгоценные инструменты. В кладовой стоявшего рядом горного техникума разыскали списанную несколько лет назад рухлядь, и с этим старьем свердловские рок-музыканты впервые появились перед глазами тех самых широких народных масс, к которым их не пускали последние пять лет. На бас натянули какую-то веревку, причем одну. Заметили ли это зрители, не известно. «Широкие народные массы» в количестве около ста человек мокли под дождем в пятидесяти метрах от сцены на другом берегу реки. Чехи среди них присутствовали вряд ли. Музыканты покривлялись, попринимали героические позы, главным образом стараясь не поскользнуться на мокром покрытии. Через час все закончилось.

20 июня 1986 года стартовал долгожданный фестиваль Свердловского рок-клуба. Выступление «Наутилуса», по всем раскладам числившегося среди хедлайнеров, было назначено на третий день. Однако его музыканты несколько раз появлялись на фестивальной сцене и до концерта своей собственной группы. Все они участвовали в дебюте Насти Полевой, Бутусов с Умецким помогли сыграть программу Егору Белкину, Дима подпел «Чайфу», а Могилевский подсакофонил еще и «Р-клубу» и «Урфину Джюсу». Свердловское рок-сообщество всегда отличалось дружбой и взаимовыручкой.

Публика с нетерпением ждала выступления самого «Помпилиуса». Архитекторы – специалисты по визуальным эффектам – и «НП» очень серьезно подошли к оформлению своего выступления. Продумано было все: от костюмов до кордебалета. Огромный задник с заборными надписями был заказан специально для их шоу. Кордебалет составляли ударные силы студенческого театра миниатюр САИ и балерина Галя Бочкарева. Найденным за кулисами сварным конструкциям тоже предстояло сыграть важную роль в концерте. Их обтянули калькой и установили на сцене.

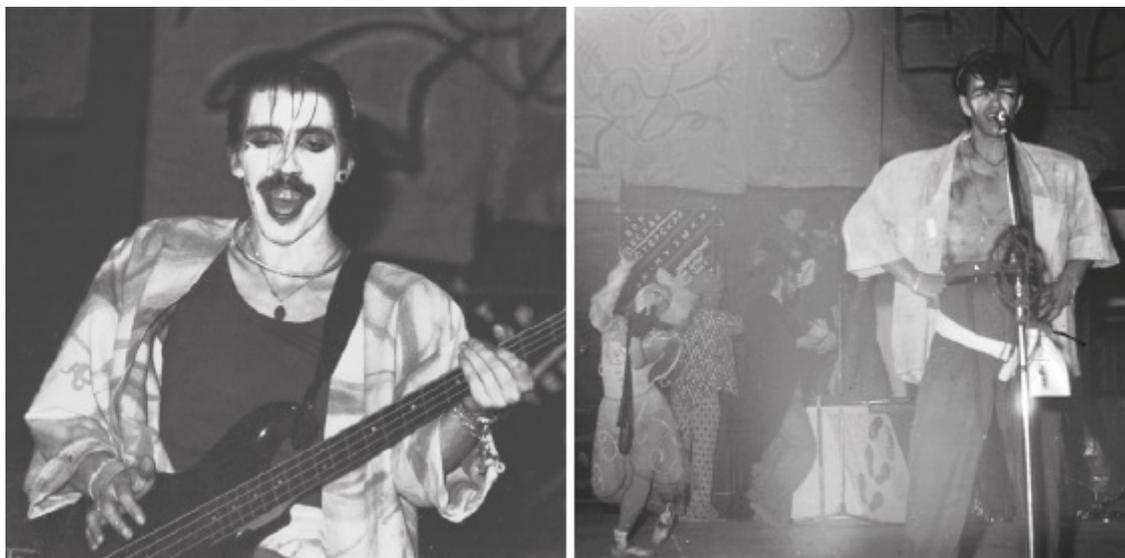
Костюмы готовить стали задолго. В начале лета Грахов, Бутусов и Умецкий посетили руководство Свердловского дома моделей одежды и попросили помочь. Но это была чистая дипломатия. На самом деле с молодыми сотрудницами СДМО конструктором Таней Безматерных и модельером Лидой Орловой все было обговорено заранее, и они уже вовсю думали, как будут выглядеть будущие рок-звезды. Купили белую бязь и стали варить ее в огромном баке с добавлением красителя. Высушивали и варили снова уже в другом колоре. Получилось яркое полотно в цветастых разводах. Из него скроили и сшили четыре широченных костюма. Весь процесс, включая примерки, занял больше недели.

Когда перед выступлением «наутилусы» надели яркие пиджаки со штанами, Лида Орлова ахнула: после трех бессонных ночей репетиций лица у музыкантов были зеленоватого оттенка, что особенно бросалось в глаза на фоне цветастых костюмов. «Я всегда носила с собой коробочку театрального грима, которую в ту пору дефицита использовала в качестве косметики. Пришлось срочно его применить. Я не особо увлекалась музыкой, и рок для меня был довольно абстрактным понятием. Поэтому на выбеленные лица «наутилусов» я нанесла абстрактные геометрические фигуры в стиле Кандинского». Имидж дополнили узкие темные очки-полоски, привезенные Бутусовым из турпоездки в Польшу. В мешковатых костюмах, с густо наштукатуренными физиономиями, с треугольниками и квадратами на щеках "наутилусы" приобрели вид четырех грустных Пьеро, непонятно как попавших вместо кукольного театра в Дом культуры имени Свердлова.

В уставшем от ожидания зале кто-то запел «Светит месяц, светит ясный». Как только остальные зрители радостно подхватили знакомый мотив, перед занавесом появился «Терри», который через охрипший мегафон стал вопрошать, все ли готовы к встрече с прекрасным. Публике уже надоело рапортовать о самоготовности, когда свет наконец погас и занавес открылся. В темноте были видны только подсвеченные изнутри белые кубы. Из них, эффектно прорвав кальку, появились «наутилусы». Зал взвыл от восторга. Зазвучала «Радиола».

«Разлука» еще не была записана, но тусовка уже знала все новые песни наизусть. Зал подпевал Бутусову, не обращая внимания на мелкие накладки вроде сбоя ритма на «Раньше было совсем другое время» или лопнувшей гитарной струны на «Рислинге». Под «Взгляд с экрана» появился кордебалет и на заднем фоне начал иллюстрировать историю о соблазнении юной девушки и о висящем на стене киноактере. «Алчи, Алчи» исполнили под два баяна. Разворачивавшиеся черно-белые меха и мерцающий свет превратили выбеленные лица Пифы и Могилевского в какое-то подобие средневековых гравюр. В концовку этой песни неожиданно вплелся припев «Хоп, хэй-хоп!» из маккартниевской «Mrs. Vanderbilt». Публика в очередной раз охнула от радости. Она не замечала, что Слава старается не фор-

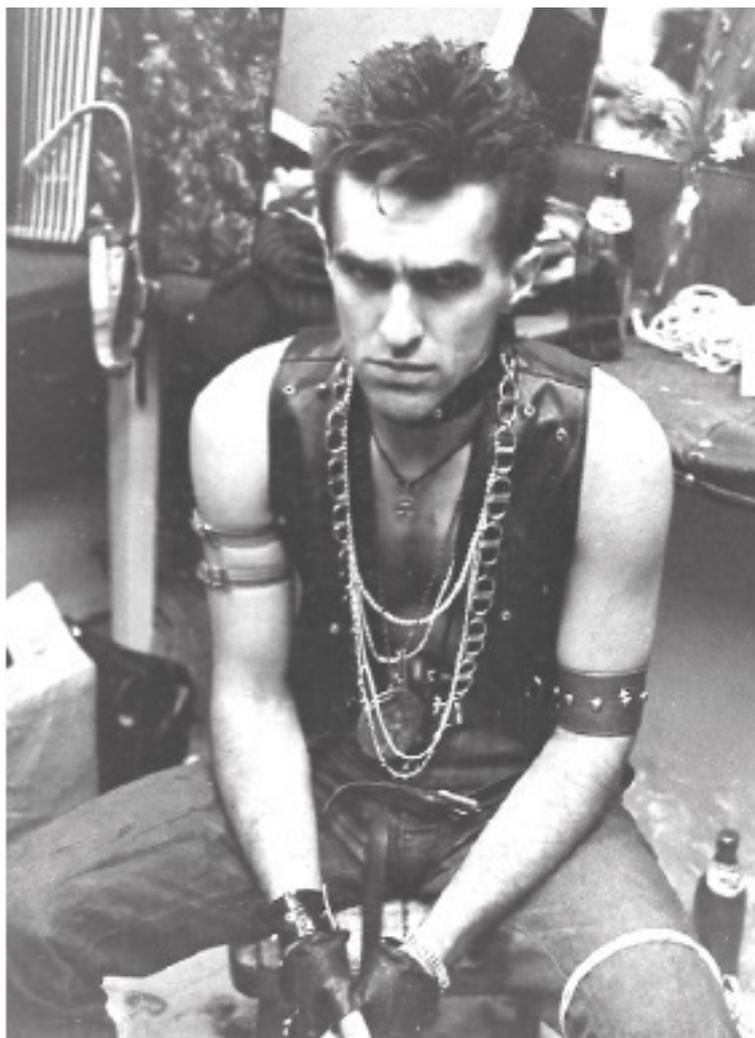
сировать голос. Лишь немногие посвященные были в курсе, что ночью на репетиции он доорался до того, что горлом пошла кровь. Под финальное «Последнее письмо» на подиуме позади группы собрался десяток заранее предупрежденных рокеров. Шахрин, Кормильцев, Пантыкин и другие дружно тянули «Гудбай, Америка, о-о-о». Забравшиеся на колосники кордебалетчики пускали в зал самолеттики и сыпали на артистов мелко нарезанную цветную бумагу. Под впервые исполненную саксофонную коду сцена опустела.

«Наутилус Помпилиус» на I фестивале Свердловского рок-клуба, 22 июня 1986 года.
Фото Олега Раковича

Потом были долгие бурные аплодисменты, переходящие в овации, выход на бис и широкие улыбки музыкантов. Больше других радовался Могилевский: «Я понял: это победа! В том числе и моя личная!»

После выступления «НП» Бутусов с Умецким выходили на сцену еще раз – в составе группы «Степ». Именно на ночной репетиции этого металлического коллектива экс-барабанщика «Трека» Евгения Димова Бутусов сорвал горло. Во время концерта «Степа» одетый в цепи и черную кожу Слава разместился на высоченном помосте. На авансцене слева стоял с бас-гитарой Умецкий. Димов взмахнул палочками, и зал вздрогнул от хеви-метала. Огнедышащее вступление чуть смазало то, что бутусовский микрофон включился с небольшим опозданием, но это мало что меняло – слова все равно были плохо слышны. Публика ошарашенно молчала, опаленная этой лавой. Музыка «Степа» вдавила в спинку кресла и вокалиста «Апрельского марша» Михаила Симакова: «К моменту их выхода на сцену мозг уже смирился с наутилусовским имиджем Бутусова. А тут он, как паук, ползает по подиуму и что-то орет в микрофон. Как потом выяснилось, он собирал рассыпавшиеся листочки с текстом. Ни одного слова, ни одной ноты я не помню, но это был настоящий хеви-метал!»

Вячеслав Бутусов, вокалист металлической группы «Степ», 1986 год. Фото Дмитрия Константинова

На второй песне вдруг сломался гитарный аппарат, что резко сбило общий настрой. Умецкий попытался заполнить неловкую паузу басовыми наигрышами, вызвав саркастическую реплику из зала: «Дима, дак ты че, джазмен?» Через пять минут аппарат починили, но очарование от великого и ужасного металла куда-то улетучилось. Всем стало заметно, что мелодии состоят из двух нот, что текст неразличим, да и поет его Слава по бумажке. Зритель поскучнел, даже особо яростные вопли Бутусова не вызывали отклика. Только Умецкий сорвал аплодисменты, когда, не переставая играть, умудрился опустить разгоряченную голову в ведро с водой и, взмахнув чубом, выплеснул пару литров в зал. Закончилось выступление «Степа» совсем кисло. Это неудачное выступление заставило «наутилусов» отказаться от параллельных проектов и сосредоточится на собственном творчестве.

Итоги фестиваля подводили на заседании рок-клуба 25 июня. В составленном по опросу зрителей хит-параде «Наутилус Помпилиус» и его музыканты заняли первые места в категориях «Лучшая группа», «Лучшая программа», «Лучшая песня» («Последнее письмо»), «Лучший вокалист», «Лучший клавишник», «Лучший бас-гитарист», «Лучший музыкант». Жюри признало «Наутилус Помпилиус» одним из четырех лауреатов фестиваля.

6

В июле вновь попробовали записаться, и на этот раз успешно. В подвале клуба архитектурного института шла еженочная работа. Звукооператор «НП» Андрей «Макаревич» Макаров недавно устроился на должность завклубом и создал все условия, чтобы музыкантам никто не мешал.

Андрей Макаров, 1985 год. Фото Дмитрия Константинова

Еще в начале сессии стало ясно, что дело пахнет удачей. Могилевский привнес в музыку необходимую долю грамотно поданной танцевальной попсы с хорошим мелодизмом и необходимым хуком. При этом он не давил музыкальным образованием – так, подвинет пальчик Умецкому или посоветует Бутусову остаться не на том аккорде, а на этом. «Именно поэтому я и пришелся ко двору. Пантыкин ведь тоже пытался что-то сделать с "Наутилусом", но он так дернул одеяло на себя, что архитекторам стало страшно от собственной музыкальной дремучести. А тут вроде тоже музыкант пришел, но он объясняет понятно. А я, видимо, хороший педагог, работал с ними по-простому: делай вот так, парень, и все будет клево. И писалось все влет!»

Правда, помехи возникали все равно. Об одной непредвиденной паузе вспоминает Виктор Комаров: «Как-то ночью к нам в подвал Дима Тарик принес сделанный им первый в Свердловске радиомикрофон. Он был без шнура, только маленькая пипка-антенна болталась. Мы как раз тогда репетировали "Шар цвета хаки". Бутусов начал орать в этот микрофон "Марш, марш левой!" Где-то через полчаса раздался требовательный стук в дверь. Открываем – менты из расположенного по соседству кировского РОВД. Оказывается, микрофон работал на их частоте. Они сидели в дежурке, ни о чем плохом не думали, и вдруг из всех динамиков жуткий вопль "Марш, марш левой!". Пока они поняли, что происходит, Славинины вопли выслушали раз восемь. Потом все вместе посмеялись. Парни были молодые, почти наши ровесники, а "Наутилус" к тому времени пользовался небольшой, но уже известностью».

Подобные происшествия служили отличной разрядкой в разогнавшемся механизме рекорд-сессии. Запись альбома полным ходом двигалась к завершению. Он уже имел название, которое, по словам Комарова, появилось случайно. «Макаров просто настраивал микрофон и попросил в него чего-нибудь поорать. Ну мы и начали вопить первое, что в голову пришло. А пришла нам народная песня "Разлука". Изначально это была рабочая запись, на третьем куплете там даже слышно, как Слава ржет». Но после прослушивания с «нестройной акапеллы» решили альбом начать. Так он обрел название и «Эпиграф».

5 августа в клубе САИ собрались полтора десятка музыкантов и руководителей рок-клуба для прослушивания нового альбома «Наутилуса Помпилиуса». Эффект не был таким ошеломляющим, как от «Невидимки» – почти все песни уже знали по концертным выступлениям. Некоторые даже оценили «Разлуку» как неудачу «НП». Это видно по коллективной рецензии, опубликованной в «Свердловском рок-обзрении». Читая ее, можно заметить, что разбираются все песни «Разлуки», кроме двух: «Хлоп-хлоп» и «Скованные одной цепью». Дело в том, что на момент выхода журнала (март 1987) эти две композиции еще не были залитованы.

Когда в конце августа худсовет собрался для литовки новой программы «Наутилуса», споткнулись именно об эти две песни. Заседание вел Николай Грахов: «Когда литовали "Скованных...", цензор испугался и отказался подписывать документы: "Я не вижу смысла – это фига в кармане. Я не сторонник подобного". Кормильцев в это время ждал на лестнице. Я обрисовал ему ситуацию со "Скованными". Он начал заламывать руки: "Мне надо, чтобы эта песня прозвучала именно сегодня, именно сейчас! Завтра будет уже поздно!" Чуть не плакал». Но в тот раз залитовать две «антисоветские» композиции все равно не получилось.

Оформление Ильдара Зиганшина

Это была предпоследняя попытка запретить песни «Наутилуса». Последний казус случился через несколько месяцев с песней «Отход на север». Бутусов предъявлял паспорт, пытаясь доказать, что крамольная строчка «Я внебрачный сын октября» – это о нем, родившемся 15 октября. Но на чиновников документ впечатления не произвел: «Ты думаешь, мы ничего не понимаем? Ясно же должно быть, что можно, а что нельзя».

Две крамольные песни были официально «удалены» из «Разлуки» (именно поэтому «Свердловское рок-обозрение» о них и не упоминает). Они не исполнялись на концертах еще полгода. В Свердловске одновременно ходили два варианта «Разлуки» – полный и официально-кастрированный. Судя по тому, что публика прекрасно знала и «Скованных...», и «Хлоп-хлоп», второй вариант альбома крутили только в обкомах, горкомах и управлениях культуры. За пределами Свердловска распространялась полная «Разлука», дотянуться до других регионов у уральских цензоров руки были коротки.

«Разлука» принесла «Наутилусу» уже настоящую славу. Альбом, поначалу далеко не всеми в Свердловске встреченный одобрительно, через несколько месяцев тиражировался тысячами кооперативных студий в не поддающемся исчислению количестве копий. Песни «Наутилуса» вдруг стали символом времени. Все сошлось, как на параде планет: музыка, тексты, аранжировки, вокал и настроения людей. Все сошлось, и «Наутилус» выстрелил.

7

Люди желали не только слышать «Наутилус», но и видеть его. Сначала такая возможность представилась лишь свердловчанам. 5 октября на открытии сезона рок-клуба группа

появилась перед зрителями в новом облике «милитари»: галифе, сапоги, «ордена» на груди. Новый имидж разработала Таня Безматерных. В статичной фигуре Бутусова чувствовалась с трудом сдерживаемая агрессия, выплеснувшаяся в зал в новой песне «Мальчик-Зима». Программа состояла в основном из «Разлуки», но сценическая подача придавала некоторым из номеров другой смысл. В «Нашей семье» Могилевский вышел вперед с армейским барабаном, и номер сразу приобрел антивоенный смысл, смыкаясь с «Шаром цвета хаки». Звучание заметно уплотнилось. Саксофона стало больше. Группа выстроила прочную звуковую стену, которая встала между ней и зрительным залом. Публика могла бесноваться сколько угодно, но музыканты словно не видели и не слышали ее. Они будто существовали в иной герметичной реальности. Это был первый выход «Наутилуса» в том образе, который в следующие два года принесет коллективу всесоюзный успех.

«Архитектурное образование учит: если не можешь сделать сложно – сделай просто. Двигаться мы не умели, и появилась статика», – объяснял поведение музыкантов Умецкий. В этом имидже, который Дима называл «Врангель на излете», «Наutilus Помпилиус» начал шествие по сердцам поклонников.

Порождение горбачевской антиалкогольной кампании – безалкогольный ресторан «Малахит» – предоставил свою площадку для первого официального выхода «Наутилуса» в свет (летняя «фанера» в Историческом сквере не в счет). Концерт нигде не анонсировался. Вход стоил баснословные деньги – пять рублей (правда, в цену входили чай и пирожное). Тем не менее вечером 28 октября собралась огромная толпа, ресторан брали штурмом. Концерт был коротким – залитованных песен было мало. Славе даже пришлось петь сочиненную специально для Насти «Клипсо Калипсо», что выглядело несколько странно при его мужской харизме и галифе.

На открытии сезона Свердловского рок-клуба, 5 октября 1986 года. Фото Дмитрия Константинова

На следующий вечер «малахитовый» ажиотаж повторился. Правда, власти, цепко державшие руку на общественном пульсе, успели подготовиться: милиции было почти столько же, сколько желающих попить пятирублевого чайку, а лучший столик занимала комиссия из управления культуры. После концерта «Наутилусу» было строго указано на неподобающий внешний вид. Чиновникам не понравились ни Славина косичка, ни Пифины очки, ни бутафорские ордена.

После такого разноса «наутилусы» вместе с организатором концертов Женей Горенбургом решили в подсобке обсудить предъявленные претензии. Обсуждать их всухую было скучно, и они грубо нарушили правила безалкогольного заведения. Кто-то стукнул. Те же самые милиционеры, что час назад охраняли концерт, препроводили артистов в отделение. Активный участник нарушения Виктор Комаров был задержан вместе с остальными: «Нас загребли всех за милую душу. Но когда менты стали заставлять дышать в стакан, медик Горенбург поднял бучу и начал учить их делать правильные замеры и анализы. Он так их достал, что нас всех просто выгнали из ментовки». Концерт, запланированный на 30 октября, отменили. Продажи чая в «Малахите» резко упали.

Виктор «Пифа» Комаров, Вячеслав Бутусов, Дмитрий Умецкий, август 1986 года. Фото Дмитрия Константинова

На первых концертах стало ясно, что для более уверенного марша требуется усилить состав: в живом варианте в музыке зазяли прорехи. 14 декабря на творческой мастерской рок-клуба Слава с Димой обратили внимание на молодого барабанщика группы «РТФ» Алика Потапкина. Сразу после концерта они предложили ему стать «наутилусом». От такой перспективы отказаться было нельзя, и Алик ответил согласием. Однако и «РТФ» он не бросил, целых полгода разрываясь между двумя коллективами.

Уже через несколько дней Потапкин репетировал в клубе Арха: «От волнения и старательности я покраснел как рак и весь трясся. Но ничего, справился. В конце "Буги с косой" мы с Могилевским выдали джазовую импровизацию. И я почувствовал, что парни-то рассу-

пались. Тогда Леха скомандовал: "Стоп. Ребята-то джаз играть не умеют". И мы стали играть поскромнее». 18-летнему студенту музучилища разница в возрасте с остальными казалась огромной, но Слава с Димой безоговорочно приняли его в свой круг общения. И делали все, чтобы Алик чувствовал себя спокойно.

10 января 1987 года состоялись первые официальные гастролы «Наутилуса Помпилиуса». Группа отправилась в Казань. Программа состояла из 14 номеров: это было все, что залито, и все, что группа успела отрепетировать. Лес рук, взметнувшийся над залом во время исполнения первых же песен, произвел впечатление на музыкантов, – значит, их действительно знают и вдали от Свердловска.

Хозяева дали почувствовать гостям, что те – настоящие звезды. Присутствовало все необходимое: пресс-конференция, фотосессия, раздача автографов и, что немаловажно, гонорары. Музыкантам заплатили по 4 рубля 50 копеек за концерт, а концертов было пять. Получились большие деньги, значительная часть из которых была тут же молодецки пропита.

Наутро «Наутилус» выехал в Куйбышев, прихватив остатки гонорара в виде трех ящиков красного сухого вина. На место прибыли невыспавшимися, с больными головами и пустыми ящиками. Попытка опохмелиться водкой общее самочувствие не улучшила. Вечерний концерт получился просто провальным: артисты были вялыми, а зрители кислыми. Вечером гостиничные номера свердловчан объявили зоной трезвости. На следующий день все были подтянуты и собраны, но началось фатальное невезение. У Умецкого лопнула струна на басу, Могилевский запнулся за провода, упал на пятую точку и уронил прожектор, у Бутусова начались проблемы с голосом. Финальную точку в куйбышевских гастролях поставила шестичасовая задержка самолета из-за непогоды. Сидя на чемоданах в забитом аэропорту, музыканты грустно резались в карты. Проигравшими чувствовали себя все.

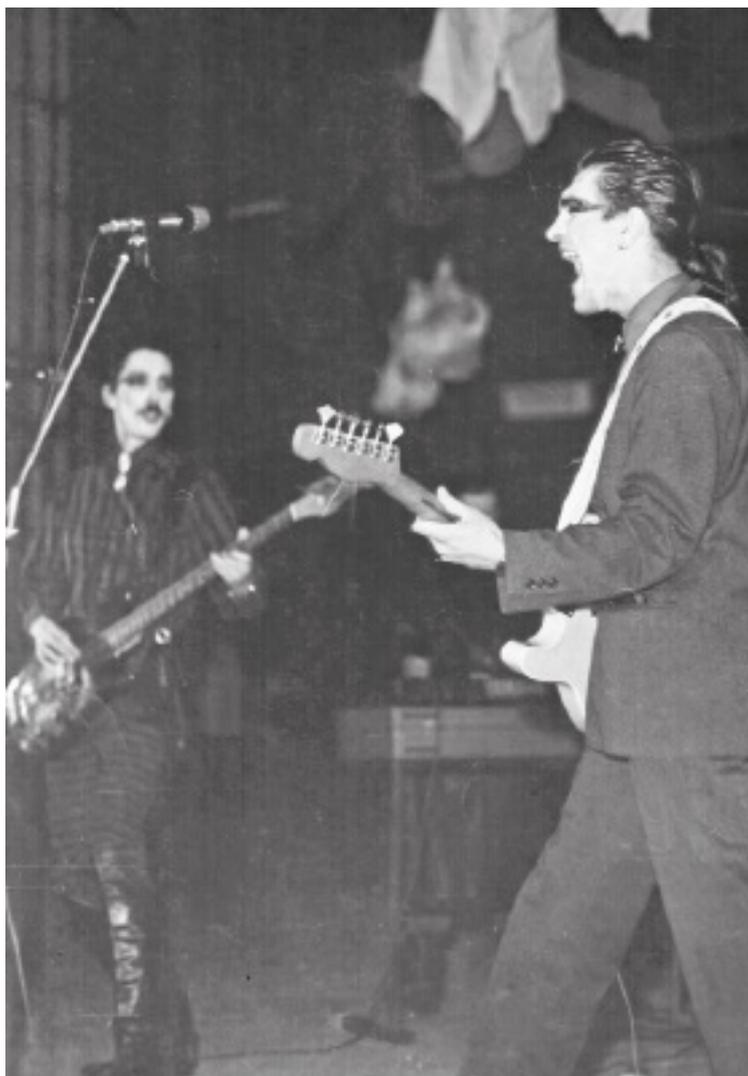
Публика на концерте группы «Наутилус Помпилиус», 1987 год. Фото Николая Землякова

Несмотря на смазанный финал поволжской поездки, в рок-клуб начали звонить из разных городов с просьбой прислать группы. 7 и 8 февраля «Наутилус» и «Чайф» выступали в Перми в ДК телефонного завода. Комбики Славы и Димы почему-то поставили почти рядом с барабанами, и Потапкину казалось, что инструменты звучат откуда-то сзади. Чтобы фронтмены его «услышали», Алик начал дубасить изо всех сил. После концерта «наутилусы» восхищались: «Вот! Так и нужно! Это и есть настоящий рок-н-ролл!»

Вылазки в другие города стали почти еженедельными, и возникла проблема. Комаров тогда работал в филармонии человеком-оркестром в программе юмориста Роберта Исакова, концерты которого часто тоже приходились на уик-энды. Требовался второй клавишник. Им стал рок-ветеран Алексей Хоменко: «С моим приходом музыкальная палитра здорово изменилась. Клавиш стало много, но не настолько, чтобы получилось что-то типа "Автографа"». Именно как секстет «Наутилус Помпилиус» завоевал Советский Союз.

8

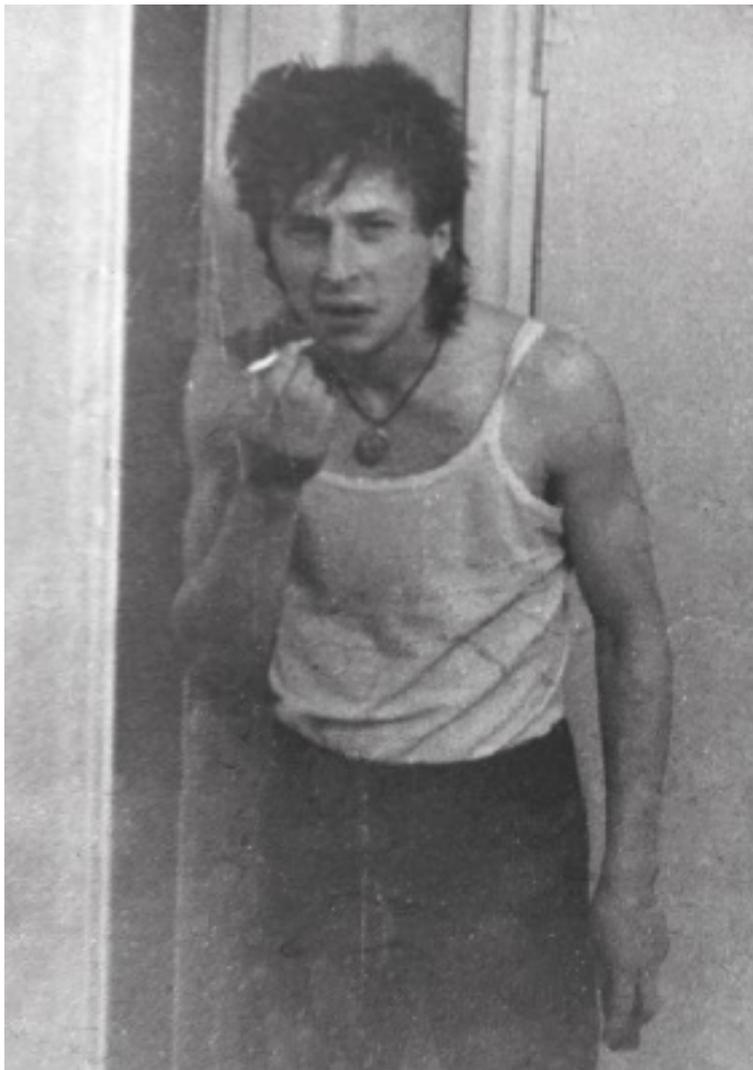
Еще в начале марта в рок-клуб позвонил ленинградский писатель, автор рубрики «Записки рок-дилетанта» журнала «Аврора» Александр Житинский. Он сообщил, что в рамках предстоящего пленума Союза композиторов РСФСР планируется знакомство с творчеством рок-групп. Бонзы российской музыки хотели лицезреть пару молодых коллективов. Референты председателя правления Ленинградского отделения Союза композиторов Андрея Петрова выбрали «Аквариум», а Житинский посоветовал пригласить «Наутилус», чью «Разлуку» он уже полгода слушал сутками напролет. Рандеву композиторов и рокеров должно было состояться в Ленинградском дворце молодежи. Расположенный там же клуб «Фонограф» решил под такое дело организовать несколько совместных концертов ленинградских и свердловских групп.

«Наутилус Помпилиус», весна 1987 года

Мнения уральцев разделились. Ответственность этой поездки понимали все: в Питере до этого группы из других городов почти не выступали. Пантыкин считал, что в данный момент ездить можно куда угодно, только не в Москву и не в Питер. Тем более там надо будет играть с «Аквариумом». Бутусов колебался... В результате все-таки решили отправить в северную столицу три группы: «Наутилус Помпилиус», «Чайф» и «Группу Егора Белкина». 25 марта сотрудник Обкома комсомола провел инструктаж с концертным десантом: не пить, не дебоширить, не хлопать, не ругаться.

В Ленинград вылетели 3 апреля. По дороге в ЛДМ автобус со свердловчанами завернул на Рубинштейна, 13. У входа в штаб-квартиру Ленинградского рок-клуба пофотографировались, но внутрь заходить не стали. Добрались до гостиницы Дворца молодежи, разместились.

Алексей Могилевский после концерта в Перми, февраль 1987 года

График в ЛДМ был плотный. Перед рок-концертом на афишах значилось выступление Константина Райкина. Свердловчане переживали, что вместо его встречи с публикой было бы гораздо полезнее произвести настройку аппаратуры. Но на сцену их пустили только в шесть часов. Как раз к этому времени до ЛДМ добрался Могилевский, чье опоздание изматывало нервы всем.

Вечерний концерт начался в 20:20. Должны были выступить «Наутилус», Белкин и ленинградская хард-роковая группа «Присутствие», причем на обе уральские группы отводилось всего 70 минут. «НП» начал с «Разлуки», и уже ее заключительные вопли потонули в грохоте аплодисментов, не стихавших до «Последнего письма».

Совместный концерт с «Аквариумом» был назначен на следующий день. В гостинице царил нервная обстановка. Под утро некоторые не выдержали холостого хода. Бутусов с Умецким закрылись в номере, из окна которого стали вылетать пустые бутылки из-под портвейна. Хорошо, что они разбивались не у центрального входа, где уже готовилась встреча участников пленума. Композиторов привезли на трех автобусах, усадили в партере, а все остальные места плотно забились рок-фаны. Известные благодаря телевидению лица Родиона Щедрина, Яна Френкеля, Геннадия Гладкова, Алексея Рыбникова оттеняли крашенные ирокезы, длинные хаера и расписные физиономии. На сцену были направлены несколько телекамер. Каждый проход в зал охраняли милиция и дружинники, на которых не действо-

вали никакие уговоры и удостоверения. Внезапно оказалось, что никто не позаботился о местах в зале для уральской делегации. Свердловчане рисковали коротать время выступления «Нау» и «Аквариума» в своих номерах. Воспитанный в духе пролетарской солидарности, Грахов предложил объявить организаторам ультиматум: пока все уральцы не рассядутся в зале, «Наутилус» петь не начнет. Но уже успевший пропитаться духом буржуазного индивидуализма Кормильцев послал всю эту затею куда подальше: «"Нау" будет выступать при любом раскладе, решайте свои проблемы сами». Илье так хотелось как можно скорее потягаться с самим БГ и заткнуть его за свой поэтический пояс, что он не хотел слышать ни о чем. Правдами и неправдами всех свердловчан удалось через служебный вход протащить за кулисы. Мест в зале для них так и не нашлось.

Вел концерт Давид Тухманов. Представленный им «Наутилус» традиционно начал с «Разлуки». Затем грохнул «Мальчик-Зима», при первых звуках которого некоторые композиторы зажали уши. Похмельной жаждою томим, Бутусов часто пил воду и путал текст. Второй куплет «Шара» он забыл напрочь. Дождавшись, пока музыканты доиграют, он с многозначительным видом произнес в микрофон «Нельзя!», дав понять, что ему не дают пропеть нечто такое, по сравнению с чем «Скованные» – просто детский писк на лужайке. Впрочем, слова куплетов «Скованных» он тоже вспоминал не без запинок. Перед «Последним письмом» Слава зачем-то передал привет басисту «Алисы» Пете Самойлову, чем вызвал радостные вопли. Когда программа закончилась, вопил уже весь зал, кроме участников пленума в партере.

Пока долго настраивался «Аквариум», в гримерку «Наутилуса» набились журналисты и телевизионщики. Под прицелом фото- и телекамер Слава впервые ощутил, что слава – тяжелое бремя.

Выступление «Аквариума» оставило странное впечатление, которое описал в своей книге «Время колокольчиков» московский рок-журналист Илья Смирнов: «Тот, кто выпустил на сцену после свердловчан "Аквариум", оказал группе БГ медвежьей услугу. Получился контраст не социальный и не стилистический, а какой то физиологический: молодости и дряхлости (хоть они и были почти ровесники). Лениво высокомерные лица, ненастроенные инструменты, спотыкающаяся программа – то ли рок, то ли Политбюро при Леониде Ильиче».

Несмотря на уже осознанный триумф свердловского рок-клуба, в гостинице царил нервная обстановка. Пантыкин, Умецкий, Могилевский, Пифа и Грахов завели разговор о вреде пьянства. Михаил Горбачев порадовался бы, слушая их рассуждения о том, как алкоголь вредит творчеству, и как не прав был Бутусов, с похмелья подсокративший сегодняшнее выступление. Когда обличение зеленого змия достигло апогея, Грахов неожиданно предложил выпить. Никто не возражал. Пили, курили и по инерции осуждали и то, и другое.

Свердловский десант возвратился на родную землю, а его ленинградские гастроли еще долго обсуждались в прессе. Александр Старцев, редактор бюллетеня Ленинградского рок-клуба «Рокси», в статье «Вторжение» (№ 12, 1987) писал: «"Наутилус" выступил очень хорошо. Отличный звук (справедливости ради, следует сказать, что это относится ко всем трем свердловским группам – Ленинград был поражен уровнем сыгранности и культурой звука, у нас так очень немногие могут), великолепные тексты – чего стоит одна только "Раз, два, левой!", уверенная подача. Вот чуть-чуть поменьше позы... Но, может быть, лучшее и вправду враг хорошего. В заслугу "Наутилусу" я бы поставил и конфликт в хорошем смысле слова между почти рок-эстрадной "хитовой" музыкой и очень острыми текстами».

Зато корреспондент газеты «Советская культура» А. Александров в номере от 28 апреля разнес выступление «Наутилуса» в пух и прах: «"Наутилус", словно по контрасту, обнаружил все, что так симптоматично для сегодняшней негативной проблематики рок-музыки: отрицание ради самого отрицания, агрессивность без цели, эпатаж, дабы привлечь

внимание и снискать успех, посредственное владение поэтическим и музыкальным арсеналом рок-музыки. Отсюда и выход лидера ансамбля в галифе, с Георгиевским крестом на груди (?!), заунывное, нарочито глумливое исполнение песни "Разлука" и агрессивная манера музицирования...»

Но на дворе стоял уже не 1984 год, и мнение журналиста центрального издания не могло остановить начавшегося триумфального шествия «Наутилуса» по стране. Всего через несколько дней после Ленинграда группа уже выступала на I фестивале Новосибирского рок-клуба. 11–12 апреля они как гости дали в столице Сибири два концерта, первый из которых стал одним из лучших в истории «Наутилуса». Его запись разошлась по стране, как бутлег «Наусибирск». Слушатели были отлично знакомы с песнями, узнавали, подпевали.

9

Вернувшись из Новосибирска «Наутилус» продолжил кинематографическую карьеру. Сюжет художественного фильма «Зеркало для героя» в рок-н-ролле не нуждался. Два героя проваливаются из конца 1980-х в 1949 год, где застревают в одном вечно повторяющемся дне. Однако режиссеру Владимиру Хотиненко, выпускнику Свердловского архитектурного института, так понравилась музыка «Наутилуса», что он уговорил сценариста Надежду Кожушаную специально придумать эпизод, где она могла бы звучать. На концерте «Наутилуса» знакомятся главные герои, а потом, мчась по послевоенному Донбассу на мотоцикле, Андрей Немчинов (Иван Бортник) распевает во все горло: «Гудбай, Америка, о-о-о». Сценарий «наутилусам» очень понравился. «Неважно, останемся мы на экране или нет, главное – чтобы этот фильм состоялся», – сказали они Хотиненко.

Эпизод концерта снимали 17 апреля 1987-го глубокой ночью в ДК Эльмаша. Сарафанное радио сработало на ура и разнесло весть о ночном концерте «НП» по вузам города. Набился полный зал. Художник-постановщик Михаил Розенштейн выстроил отличные декорации. Над сценой покачивался раздолбанный остов желтой легковушки, фары которой периодически загорались. В тон авто были желтые электронные барабаны. «Наутилусы» отыграли полный концерт, из которого в фильм вошли только полторы песни. Под «Последнее письмо» зрителей попросили зажечь спички и пускать на сцену заранее розданные бумажные самолетки. Под звуки «Казановы» прожектора и кинокамеры шарили по потолку, выхватывая из темноты барельефы в стиле сталинского ампира – контраст получался очень резкий.

Съемки фильма «Зеркало для героя», 17 апреля 1987 года. Фото Олега Раковича

«Зеркало для героя» вышло на экраны год спустя, когда «Наутилус» уже уверенно шагал по стадионам страны. Трудно сказать, насколько оправданным было включение концертного эпизода в фильм, но то, что анонсированное в афишах участие популярной рок-группы повысило его кассовость, – несомненно.

3 мая «НП» сыграл на благотворительной акции с участием свердловских рокеров. Сборы от концертов передали в детские дома Свердловска. Рок-клуб впервые пустили во Дворец молодежи, в котором из 1380 мест не осталось ни одного свободного. Именно в тот день состоялась премьера песни «Я хочу быть с тобой», ставшей одной из вершин лирики «Нау». Некоторые восприняли ее как обращение Бутусова к своей супруге, хотя, по словам литературного критика, Кормильцев вкладывал в текст совсем другой смысл: «Илья утверждал, что все неправильно понимают "Я хочу быть с тобой". Он, когда сочинял, писал "Тебя" с большой буквы: "Пьяный врач мне сказал, что Тебя больше нет..." При таком написании сразу возникают другие субъектно-объектные отношения, исчезает девушка, и появляется Бог».

11–12 мая «Наутилус» дал четыре совместных концерта в ККТ «Космос» с ансамблем «Extra Band» из западно-чешского Пльзеня. Музыканты из-за границы, пускай даже из города-побратима, – редчайшее зрелище в закрытом Свердловске. До них на местную почву ступала нога всего одного импортного рокера: в 1975 году Дэвид Боуи, путешествовавший на Транссибирском экспрессе, полчаса разминал ноги на перроне станции «Свердловск-Пассажирский». Чешские профессионалы в полосатых лосинах играли замшелый хард-рок. «Нау» сделал их на раз – это признали не только зрители, но и импресарио чехов Зденек Роучка.

Вячеслав Бутусов и Альберт Потапкин на фестивале в Вильнюсе, 1987 год. Фото Игоря Мухина

24 мая «наутилусов» встречал Вильнюс. В последний день фестиваля «Летуаника-87» во Дворце спорта свердловчанам пришлось выступать практически без настройки, да еще рядом с такими грандами, как «Кино», «Авиа» и «Ночной проспект». Виктор «Пифа» Комаров утверждает, что это был один из самых трудных концертов. «Мы вышли на "Разлуку", и в нас полетели сигаретные пачки, огрызки яблок – прибалты не хотели слушать русскую народную песню. Мы подобрались и вдарили по полной силе. На сцене физически чувствовалось, как стрелка компаса начала поворачиваться на 180 градусов. К концу выступления публика была наша. Но мы все равно удивились, когда нам вручили первый приз».

Жюри «Летуаники» под председательством киноведа Саулюса Шальтениса единогласно решило вручить первый приз сразу трем группам: местному политизированному «Antis'у», «Lyvi» из Лиепайи и свердловскому «Наутилусу Помпилиусу». Кто-то в кулуарах фестиваля задумчиво произнес, что, пожалуй, 1987-й станет годом «Наутилуса». Над провидцем поиронизировали. А зря...

В последние три дня мая на сцене ДК УЗТМ прошел II фестиваль рок-клуба. «НП», как главная звезда, выступал последним. Для настройки «Наутилуса» закрыли занавес. Зал никто не покинул. Люди сидели на каждом свободном клочке пола, собираясь с силами для нового всплеска эмоций. Занавес открылся... «Наутилусы» расположились, как на старин-

ных салонных фотопортретах. Шестерку мужчин оттеняла высокая статная красавица Аня Шмелева. Вышел фотограф, щелкнул камерой, вспыхнул вспышкой, концерт начался...

«Наутилус Помпилиус» на II фестивале Свердловского рок-клуба, 31 мая 1987 года. Фото Всеволода Арашкевича

Исполнялась новая программа «Ни кому ни кабельность». Одна за другой шли новые песни, еще не звучавшие в Свердловске: «Падал теплый снег», «Синоптики», «Песня в защиту мужчин»... Бутусов пел, сидя за кафедрой с разложенными текстами и графином с водой. Шоу было очень статичным, но досконально продуманным. Все детали были четко выверены: и расположение трех клавишников, и сидящий слева Умецкий, даже графин, в который Слава поставил первые врученные поклонницами цветы. Движения музыкантов были очень скупые, но волны мощной энергии шли в зал, сводя публику с ума. Казалось, что Бутусов в этот вечер мог спеть хоть «Чижику», хоть «Интернационал» – зрители вопили бы точно так же. Но когда зазвучали первые такты «Шара цвета хаки», зрительский хор перекрыл децибелы динамиков. Весь зал встал и не сел уже до самого конца. «Это был "наутилусовский" фестиваль. Они убрали всех – самые мощные, сыгранные и вооруженные стихами Кормильцева», – вспоминает Олег Ракович.

На бис «Наутилус» выходил дважды. Под «Последнее письмо» на сцену полетели десятки заготовленных загодя самолетиков. Под «Казанову» зрители просто пустились в пляс. Поклонники могли вызывать «наутилусов» до бесконечности... В битком набитых ночных трамваях, следовавших с Уралмаша в сторону центра, кричали «"Наутилус" – лучшая группа в мире!» и хором пели их песни... Оргкомитет предсказуемо выбрал «НП» лауреатом. Кроме того, «Наутилус» получил приз зрительских симпатий и приз обкома ВЛКСМ «За наиболее удачное художественное решение антивоенной темы» («Шар цвета хаки»).

В ночь после фестиваля дорожные указатели, газетные киоски и даже балконы на первых этажах в районе ЖБИ украсили огромные надписи «Наутилус», «Чайф», «Настя», «Бел-

кин» и «Умецкого люблю!». Районные власти обвинили в такой наглядной агитации рок-клуб. Шахрин отшучивался, что это он спер на стройке ведро краски, а рисовал Бутусов, вспомнивший свою основную профессию. Нерасторопность местных ЖЭКов сделала эти граффити привычной деталью местного пейзажа.

В конце июня в Таллине проходили Дни ленинградской рок-музыки. Питерский рок-клуб выставил на это мероприятие свои лучшие силы, от «Авиа» и «Зоопарка» до «Алисы» и «Кино». Избалованных музыкой эстонцев рок с берегов Невы заинтересовал, но не особо – зал Дворца культуры и спорта имени Ленина всю неделю был заполнен максимум наполовину. Не помогали даже автомобили с динамиками на крыше, которые дни напролет развезжали по всему городу под звуки питерского рока и прямо с колес продавали билеты. «Наутилус» был приглашен как специальный гость и 21 июня выступил дважды, днем – в паре с «Телевизором», а вечером – с «Алисой». Только на этих концертах в зале был аншлаг. Судя по тому, как эстонцы подпевали «Казанове» и «Скованным», все билеты были раскуплены не случайно. Умецкого поразила отличный звук не только в зале, но и на сцене: «До этого мы привыкли, что нам вообще ничего не слышно. Научились работать "вслепую" или, если точнее, "вглухую". В Таллине мы впервые поняли, что такое реальный звук на сцене».

Через неделю, не сбавляя хода («Марш, марш, левой!»), «Нау» добрался до Подмосковья. В закрытой Черноголовке молодые физики-ядерщики проводили Праздник песни «Подмосковные вечера». По уровню организации контраст с Эстонией был разительный. Качество аппаратуры многих музыкантов заставило усомниться в реальном потенциале советской ядерной программы. От дрянного звука пострадали коллективы из Риги, Москвы, Ленинграда. «Наутилусу», по свидетельству очевидца Ильи Смирнова, ничто не могло помешать: «От первых же аккордов возникло ощущение, что в перерыве они подменили подмосковную аппаратуру на нью-йоркскую. Если в Ленинграде самую сильную реакцию вызвала "политика" – "Скованные одной цепью", "Шар цвета хаки", – то в летнюю программу Бутусов ввел целый блок лирики... Свердловский архитектор совершил чудо – возвратил нашему року любовь». По результатам анкетирования, «Наутилус» был назван лучшей группой, в категориях инструменталистов/вокалистов победили Бутусов, Умецкий, Комаров, Потапкин. Среди песен первенствовала «Казанова».

Через две недели, 8 июля, комментируя итоги фестиваля, газета «Московский комсомолец» упомянула пару песен «Наутилуса». Одна из них была обозвана «Шарф цвета хаки». Видимо, корректорам «МК» показалось странным неэстрадное словосочетание, и они исправили его на нечто привычно-трикотажное. Свердловская самиздатовская «Марока» издевалась: «Столичная фабрика "Большевичка" срочно наладила выпуск кашне военного покроя, предназначенного для любителей современной музыки».

10

«Наутилус» еще не устал, еще был способен радоваться своим успехам. «Самый лучший период был в 1987 году. Когда ездили по фестивалям, – вспоминает Виктор Комаров. – Нам тогда казалось круто играть рядом с живыми "Кино", "Алисой", "ДДТ". И отдача от зала была полнейшей».

7 июля Потапкина неожиданно призвали в армию. «Наутилус» на полном ходу споткнулся, попробовал выступать под драм-машину, но после живого ударника привыкнуть к механической дуре было невозможно. На одном из концертов техники забыли дать ее отчет в мониторы, и на «Я хочу быть с тобой» она вылезла в середине куплета. Это барабанщик может подождать. А машина не может. Тем не менее, на плотность гастрольного графика отсутствие живых барабанов не повлияло.

После лихого недельного загула в Крыму, официальным поводом для которого были концерты «Парад ансамблей» 15–16 августа в Симферополе, «Наутилус» отдыхал целый месяц. 11 сентября он материализовался в Подольске. В подмосковном городе проводился Всесоюзный рок-фестиваль – бардачный, но представительный. Его устроители до самого открытия с переменным успехом боролись с местными властями, фестиваль то отменяли, то отменяли его отмену. Рокеров со всех концов страны поселили в каком-то пионерлагере, из которого уже разъехались дети. Маленькие домики, кровати с панцирными сетками, стопки матрасов. На матрасах спали, матрасами укрывались. Спали, впрочем, мало. Сразу же, выстояв безумную очередь, затарились в Подольске сухим вином. Недорогим, некрепким, но зато в большом количестве. Ответственным за это архиважное дело назначили Могилевского: «Пить – это было правилом. Что еще было делать, кроме как пить, играть и радоваться жизни. Это же здорово – приехать в какой-то Подольск, где тебя любят, ждут и приветствуют твой выход на сцену».

«Наутилусы» отыграли в Подольске несколько меланхолично, зато это выступление полностью отсняли на видео, и сегодня любой пользователь интернета может представить себя одним из сорока тысяч гостей подольского Зеленого театра, восторженно вопящих при виде своих кумиров. По результатам зрительского анкетирования, «Наутилус Помпилиус» был назван лучшей группой Подольского фестиваля.

Через две недели в Свердловском обкоме ВЛКСМ получили гневное письмо от подольских коллег с грозными обвинениями в адрес музыкантов, участвовавших в «несанкционированном» фестивале. Свердловчане пожалы плечами и реагировать не стали, тем более что еще через неделю пришло другое письмо на бланке журнала «Юность» (соорганизатора фестиваля в Подольске), в котором тем же музыкантам выражались всяческие благодарности. После Подольска «Наутилус» пригласили в Москву, и в октябре он дал свой первый индивидуальный концерт в ДК Горбунова. За спиной Бутусова к этому времени вновь сидел барабанщик – в сентябре позвали за ударную установку Владимира Назимова (экс-«Урфин Джюс», «Чайф» и множество других свердловских проектов).

Начались первые платные выступления. 24–26 сентября состоялись первые концерты «Наутилуса» в родном городе, за которые музыканты получили деньги. Концерты проходили в модном формате «Музыкального ринга»: песня, пара вопросов из зала, ответы музыкантов, песня и т. д. Большинство вопросов были заранее заготовлены «рефереры» – ведущим концерта Александром Калужским, сменившим ставку администратора рок-клуба на амплуа менеджера «НП». Три концерта удовлетворить спрос публики на местных рок-звезд не смогли, и 27 сентября состоялись еще два «ринга», уже в городе-спутнике Березовском. 10 октября пара музыкальных поединков опять прошли в Свердловске, в ДК «Урал». И снова все билеты на них были раскуплены всего за несколько часов. За канатами без билетов остались толпы зареванных болельщиц.

И в других городах билеты раскупались влет. «У Славы абсолютно уникальный голос с уникальным тембром, который девок просто сводил с ума, – вспоминает Пифа. – Сколько раз я на гастролях смотрел на девушек в зале – они готовы были за Славиним голосом пойти куда угодно – как дети в сказке за звуками волшебной дудочки. Он на сцене абсолютно статичен. Поет неподвижно, а в зале все рыдают. Такая харизма!»

В декабре в столице проходил фестиваль «Рок-панорама-87». Большинство участников составляли филармонические артисты разной степени рок-н-рольности в диапазоне от Александра Малинина до «Арии», коллективы из Прибалтики и Московской рок-лаборатории. Весь остальной советский рок представляли только «АВИА» из Ленинграда и «Наутилус Помпилиус».

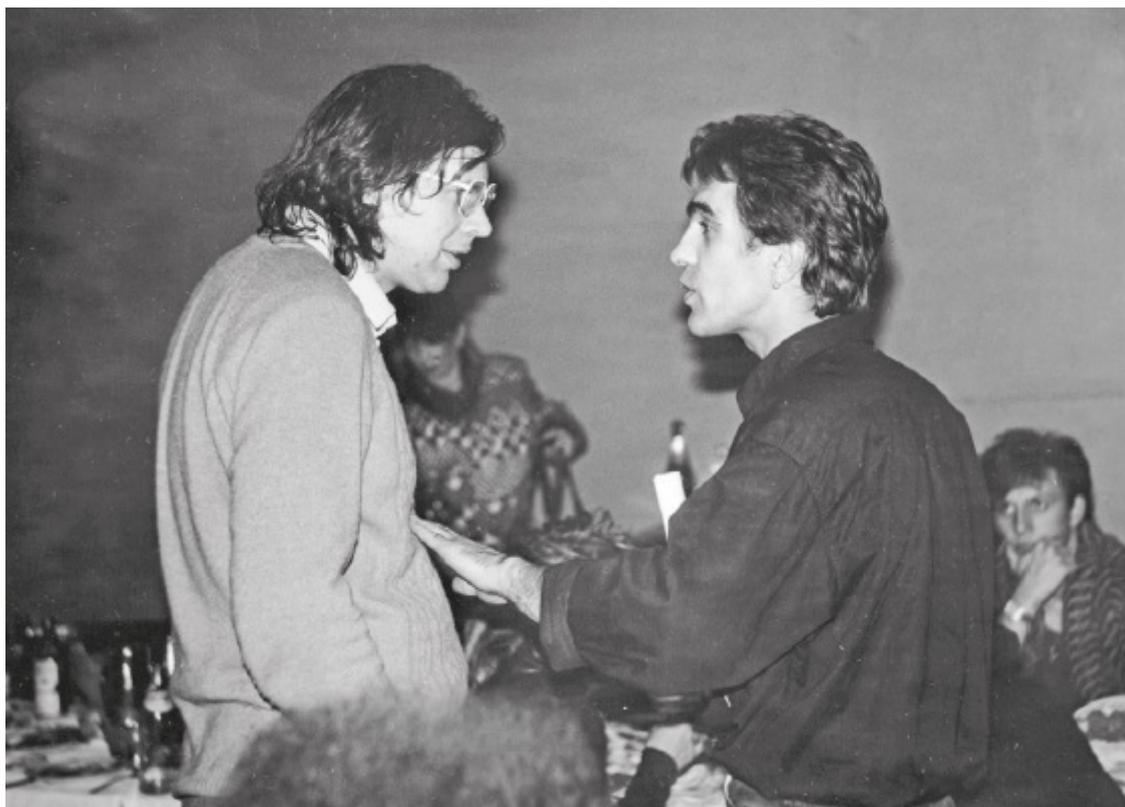
В кулуарах толпились недавние участники Всесоюзного съезда рок-клубов, проходившего в Свердловске, а также сочувствующие. Обсуждали они вовсе не выступавших в этот

момент «Зодчих» и «Черный кофе», а творчество совсем других групп. Например, Николай Мейнерт с Александром Житинским делились впечатлениями об альбоме «Первый панк-съезд» верхотурского «Водопада».

Дмитрий Умецкий, Алексей Могилевский, Виктор «Пифа» Комаров, Вячеслав Бутусов, Владимир «Зема» Назимов и Алексей Хоменко, 1987 год. Фото Александра Шишкина

Но выступление «Наутилуса», который вышел на сцену 10 декабря, привлекло в зрительный зал всех. Александр Коротич впервые после двухлетнего перерыва увидел бывших однокурсников именно на «Рок-панораме»: «На "Скованных..." весь зал вдруг достал откуда-то цепи и стал бряцать ими в такт песне. Я понял, как много пропустил. Люди, которых я прекрасно знал, превратились в суперзвезд».

Николай Мейнерт и Вячеслав Бутусов. Фото Александра Шишкина

Лауреатства и призов на фестивале не было, но через год фирма грамзаписи «Мелодия» напечатала пластинку, слепленную из фрагментов выступлений «Наутилуса» и «Бригады С». Огромный тираж ее, да и сам факт ее выхода наглядно свидетельствовали, кто оказался лучшим на «Рок-панораме-87».

Кстати, сами музыканты узнали о грядущем релизе в последний момент. Как рассказывал Кормильцев, он все-таки успел дозвониться до «Мелодии» еще до выхода пластинки и задал вопрос о гонораре. «Ему вежливо ответили, что, мол, не "его это ума дело". На вопрос о неверном названии песни «Скованные» ему было сказано, что беспокоиться об этом надо самим авторам, а уж никак не выпускающим пластинку» [Цитируется по книге Николая Мейнерта «Наутилус Помпилиус»]. Фактически это был бутлег, то есть издание пластинки без ведома и согласия авторов и исполнителей.

Сразу после «Рок-панорамы-87» «Наутилусу» стали поступать предложения переехать в столицу. Сначала уральцы относились к ним довольно скептически. В фильме «Серп и гитара», снимавшемся финской документалисткой Марьяной Мюкконен в январе 1988-го, Могилевский здраво рассуждает: «Пока мы являемся сибирскими медведями, мы будем представлять какой-то интерес: группа с Урала, но при этом не в лаптях, а в сапогах, да еще с бантиками. Как только мы станем московскими не медведями, придется ломать и себя, и многое другое». В следующих кадрах его мнение поддерживает и Бутусов: «Влияние Москвы на нас усилилось, и поступило предложение вообще переехать – здесь проще некоторые моменты решать... Все зависит от того, какую информацию мы соберем по этим организациям, что более выгодно и вообще, имеет ли смысл с ними связываться. Я настроен пессимистически, я приблизительно знаю обстановку везде. Найти то, что нужно, просто нереально. Чем это кончится – я не знаю и особых иллюзий на эту тему не питаю».

Гастрольный 1987-й сильно утомил «Наутилус». Умецкий, который возложил на себя задачу продвижения группы и собирался «построить танк, который продавил бы всю страну», считал, что коллективу нужен отдых и новый альбом. По его настоянию группа приняла предложение композитора Юрия Чернавского поработать в студии и полным составом отправилась в Москву. Бутусов с Умецким остановились у Диминой невесты, сценаристки Алены Аникиной, которая познакомила их со столичной богемой, а остальные музыканты поселились в арендованных комнатах общежития МВТУ имени Баумана. Ожидаемой студийной работы не было. Коллектив посетил студию Чернавского всего пару раз, да и то занимался не музыкой, а каким-то дурацким ремонтом. Безделье, неважные бытовые условия и оторванность от родины сделали свое дело – в «Наутилусе» началось брожение.

Первым пострадал уволенный звукооператор Андрей Макаров, работавший со Славой и Димой еще с 1982 года. Его заменил Владимир Елизаров – опытный профессионал, мультиинструменталист, старый товарищ Хоменко. Человек, способный обеспечить на любом концерте почти пластиночное звучание. Эта рокировка показала, что «НП» вовсе не такой монолит, каким кажется со стороны. Музыканты стали ждать, кто может вылететь следующим. Кормильцев, приехавший в Свердловск, рассказывал, что следующим, скорее всего, будет Могилевский.

Однако в феврале недосчитались Умецкого. Он поставил ультиматум: если группа не откажется на время от концертов, не сменит директора и не переедет в Москву, то он уйдет. Коллектив проголосовал за продолжение концертной деятельности, и Дима покинул «Наутилус». Сам Умецкий объяснял свой уход исключительно творческими причинами: «Группа была на выдохе, напряженный гастрольный график ее измотал... Я советовал уйти в тень, взять большую паузу, чтобы сделать новую программу. А наши профессиональные музыканты, наоборот, сочли, что сейчас самый сенокос. Но у Славы же непоставленный голос. Страдали связки. Я считал, что концертный чес – это самоубийство. Мне не хотелось участвовать в этой мясорубке». Забавно, но два требования Умецкого (переезд в Москву и смена менеджмента) оказались в скором времени выполнены.

Александр Калужский и Вячеслав Бутусов. Фото Александра Шишкина

Администратором «Наутилуса» в тот момент был Александр Калужский. Концертов было много, работы еще больше... Он проработал с «НП» до весны 1988 года, когда его из коллектива «ушли». Некоторое время в «Нау» продолжалась административная неразбериха, и музыканты озаботились защитой своих коммерческих интересов.

В начале года Хоменко провел собрание коллектива, сказал, что пора вставать на новые хозрасчетные рельсы и самим зарабатывать деньги. На свет появился кооператив «Наутилус Помпилиус». Контора со звучным названием занималась самыми разнообразными видами деятельности: от выпуска сувенирной и печатной продукции до звукозаписи. Кооператив просуществовал всего полгода, до распада «золотого» состава «Наутилуса». Первым его покинул Бутусов, а последним вышел Кормильцев, как самый осторожный.

Уход Умецкого на работе группы не отразился. На одном из концертов партию баса сыграл Елизаров, а затем из Свердловска был срочно вызван Виктор Алавацкий, профессионал, имевший за плечами более чем десятилетний стаж работы в ресторанных ансамблях. Повторить несложные партии Умецкого для него не составляло никакого труда.

На записи нового альбома Димин уход сказаться не мог в принципе. Большинство инструментальных партий Елизаров с Хоменко изначально забивали в секвенсор. На память машины рассчитывали больше, чем на живых музыкантов. Работали в студии Александра

Кальянова, звуковика Аллы Пугачевой. Хозяйка сама приходила в студию и даже спела подголоски на новой песне «Доктор моего тела». 5 марта запись закончили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.